

The background of the cover is a stylized illustration of a vast, dimly lit library or archive. Tall shelves filled with books line the walls, receding into the distance. A bright, ethereal light source emanates from the far end of the aisle, creating a strong lens flare and illuminating the floor and the air. Numerous white, feather-like or paper-like objects are shown floating in the air, some appearing to be caught in the light. In the center of the lower half, a person is seen from behind, walking away from the viewer towards the light. The overall mood is one of mystery and intellectual pursuit.

КОБО
АБЭ

*Сожженная
карта*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Кобо Абэ

Сожженная карта

«Азбука-Аттикус»

1967

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Кобо Абэ

Сожженная карта / Кобо Абэ — «Азбука-Аттикус»,
1967 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-22457-5

Кобо Абэ — блистательная звезда послевоенного японского авангарда; его книги читают по всему миру, по ним снимают фильмы и ставят спектакли. Продолжатель традиций Достоевского, Эдгара Аллана По, Франца Кафки и Альберто Моравиа, предтеча Харуки Мураками, в каждом своем романе он творит сюрреалистическую реальность, которая переформатирует читательскую картину мира, искажает — или проясняет — призмы восприятия и всякий раз совершенно ошеломляет. Недаром еще один известный японский автор Кэндзабуро Оэ назвал Абэ крупнейшим писателем за всю историю литературы. Детектив ищет пропавшего человека — но найти его не хочет никто, кроме детектива: жена пропавшего обратилась в агентство частного сыска, но не желает предоставить никаких сведений о муже, ее брат путается у детектива под ногами, и чем глубже тот погружается в расследование, тем оно головоломнее. «Сожженная карта» — один из самых известных романов Кобо Абэ — история о паранойе, невозможности понимания и постепенной утрате связи с миром и собой.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-22457-5

© Кобо Абэ, 1967
© Азбука-Аттикус, 1967

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Кобо Абэ

Сожженная карта

Kobo Abe

MOETSUKITA CHIZU

Copyright © 1980 by Kobo Abe

© В. С. Гривнин (наследник), перевод, 1982

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

安部公房

Город – замкнутая бесконечность. Лабиринт, в котором ни за что не заблудишься. Это карта только для тебя, все районы на ней имеют одинаковые номера.

Поэтому, даже если ты и собьешься с пути, – заблудиться не сможешь.

ГОСПОДИНУ НАЧАЛЬНИКУ
ОТДЕЛА ПЕРСОНАЛЬНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ
ЧАСТНОГО СЫСКОГО АГЕНТСТВА

Заявление о розыске

Цель заявления – найти местонахождение пропавшего. Имя пропавшего – Хироси Нэмуру. Пол мужской. Возраст 34 года. Занятие – начальник отдела торговой фирмы «Дай-нэн». Пропавший – муж заявительницы. С тех пор как он исчез 6 месяцев назад, никаких известий от него не поступало. Доверяю ведение дела по розыску, готова предоставить все имеющиеся сведения.

Поручаю вам ведение этого дела. Оплату всех расходов, связанных с розыском, беру на себя. Обязуюсь хранить в тайне полученные от вас данные, не разглашать их и не использовать во зло.

Имя заявительницы: Хару Нэмура (Подпись)

2 февраля 1967 года

Выжав сцепление, переключаю скорость. Для двадцатисильной малолитражки такой подъем – чрезмерная нагрузка.

Дорога не асфальтированная, а покрытая грубым бетоном, и, видимо, для того чтобы предотвратить скольжение, через каждые десять сантиметров в нем прорезаны узкие бороздки. Но пешеходам от этого пользы мало. К тому же пыль и крошки от стирающихся на шершавом бетоне покрышек постепенно забили все неровности, и в дождливый день, если ботинки на резине, да еще старые, идти по такой дороге – дело, наверно, нелегкое. Видно, она рассчитана на автомашины. Бороздки через каждые десять сантиметров, по всей вероятности, могут сослужить им службу. Не исключено, что они эффективны и для отвода воды в кювет, когда талый снег и грязь забивают водостоки.

Впрочем, все эти ухищрения напрасны, так как машин здесь совсем мало. Из-за отсутствия тротуара во всю ширину дороги, поглощенные беседой, не обращая ни на что внимания, идут несколько женщин с сумками в руках. Посигналив, проезжаю между женщинами. И в тот же миг резко торможу. Из-за поворота внезапно вывернулся мальчишка на роликах и несется прямо на машину, завывая как сирена.

Слева – крутая стена, сложенная из камней. Справа – почти отвесный обрыв, начинающийся сразу же за низким, лишь для видимости, металлическим ограждением и глубоким кюветом. Побледневшее лицо мальчишки, который, пытаясь ухватиться за ограждение, растянулся поперек дороги. Ничуть не лучше и мое состояние – сердце подпрыгнуло к самому горлу и бешено забилося там. Я начал было опускать стекло, собираясь обругать мальчишку, но под осуждающими взглядами женщин, дружно устремленными на меня, смешался и отказался от своего намерения. Пожалуй, лучше оставить его в покое. Не хватает мне еще влипнуть в историю: разозлю женщин, и они взвалят на меня вину за ссадины, которые получил мальчишка. И они ведь не побоятся дать ложные показания. А обстоятельства мои сейчас таковы, что я должен быть чист как стеклышко.

Нажал на акселератор. Нещадно чадя, машина медленно, с трудом двинулась вперед. И сразу же поворот. В зеркале уплывают в сторону женщины, участливо обступившие мальчишку, который не разбился в кровь, костей не поломал – в общем, остался цел и невредим, – и вместо них появляется белесое небо, похожее на погасший телевизионный экран. Неожиданно дорога становится ровной. Срезав вершину холма, забетонировали большую площадку – теперь тут конечная остановка автобуса. Неподалеку стоит скамейка, прикрытая от дождя навесом, телефонная будка, а рядом с кирпичным барьерчиком, ограждающим то, что летом превратится, возможно, в цветочную клумбу, даже фонтанчик для питья. Потом снова начинается крутой, хотя и короткий подъем. И тут же огромный плакат, небрежно выкрашенный в желтый цвет, наподобие дорожного знака: «Без особого разрешения въезд автомашин в жилой район воспрещен». Игнорируя это основательно сооруженное, с иероглифами, четко выписанными специально нанятым человеком, почти оскалившее клыки повеление, одним духом беру остаток подъема.

И сразу же пейзаж резко меняется. Прямая белая дорога кажется бесконечной, продолжающейся в белесом небе. На глаз ширина ее метров десять. Оба тротуара отделены от дороги полосами увядшего газона, обнесенного невысокой оградой, и, видимо потому, что увядание не одновременно, желтая трава перемежается зеленой, странно подчеркивается перспектива. И в самом деле, хотя справа и слева стоит всего по шесть домов – четырехэтажных, шесть

квартир на каждом этаже, – создается иллюзия бесконечности. Лишь фасады домов выкрашены в белый цвет, торцы же заляпаны грязно-зеленой краской, и такая пестрота, видимо, еще больше оттеняет определенную геометрическую особенность пейзажа. Дорога служит как бы осью, по обеим сторонам которой раскинулись крылья жилого района, причем в ширину застройка больше, чем в глубину, и, видимо для лучшей освещенности, дома стоят в шахматном порядке, отчего влево и вправо взгляд наталкивается на сплошные белые стены, подпирающие молочно-белый небесный свод.

Пронзительно плачет оставленный без присмотра в красной коляске ребенок, укутанный с головой в пеленку. Мимо него на серебристо поблескивающем легком велосипеде с переключением скоростей, громко смеясь, проносится мальчишка с посиневшими от холода щеками. На первый взгляд улица оживленная, но на фоне этого пейзажа, далекого, точно смотришь в перевернутый бинокль, люди почему-то кажутся какими-то фантастическими существами. Впрочем, если прижиться здесь, все, возможно, будет восприниматься иначе. Пейзаж все удаляется и становится прозрачным, точно его вообще не существует, и только моя фигура возникает в нем, как на проявляющемся негативе. Достаточно уж того, что узнаешь сам себя. Ведь пеналы, в которых по порядку разложены абсолютно одинаковые жизни, сколько бы сотен этих семей ни было, представляют собой застекленные рамки с вставленными в них портретами членов семьи.

Хигаси, 3–12. Хигаси – Восток – означает правую сторону улицы. Третий номер означает третий от меня дом, выходящий на улицу. Двенадцать – номер квартиры на втором этаже, в левом крыле дома. В промежутках между газонами в ряд стоят таблички с надписью: «Вход воспрещен», «Стоянка запрещена», но я, не обращая на них внимания, остановил машину у дома. Вещи – небольшой черный чемоданчик со всем необходимым, своего рода реквизитом. Длина – пятьдесят, ширина – сорок, толщина – меньше двадцати сантиметров... крышка твердая и ровная, так что чемодан всегда можно использовать вместо стола, а кроме того, около ручки незаметно вмонтирован микрофон и там же устройство, позволяющее, не открывая чемодана, включать находящийся в нем магнитофон. Помимо этого, ничего примечательного в чемодане нет. Можно лишь упомянуть, что он обтянут искусственной замшей, сильно потертой от долгого употребления. Ко дну чемодана по углам предусмотрительно прикреплены металлические накладки. В общем, типичный чемодан коммивояжера. Такой вид чемодана вполне устраивал меня, но, с другой стороны, иногда и мешал.

Вдруг в лицо ударяет ветер, колющий, как осколки льда. Беру чемодан, пересекаю тротуар и вхожу в темный прямоугольник, прикрытый узким козырьком. Взбегаю вверх по лестнице – звук шагов напоминает постукивание по пустой железной бочке. В два ряда восемь почтовых ящиков... на полоске бумаги, прикрепленной клейкой лентой, под выведенной белой краской цифрой «12» можно прочесть написанное мелко от руки «Нэмуру»... может быть, заранее начать внутренне подготавливать себя, не спеша поднимаясь по лестнице?... и тогда, как только я узнаю, что нужно клиенту, сразу же приступлю к исполнению роли, которую он потребует от меня... такова уж наша работа – создавать впечатление, что тебе все ясно, но в этом, как ни странно, шаблонов не бывает.

Белая металлическая дверь с темно-зеленым наличником. Белая кнопка звонка на треснутой пластмассовой крышке. Косо отдергивается угол шторки, прикрывающей окошечко величиной с открытку, прорезанное посередине двери на уровне лица, слышится звук снимаемой цепочки, ручка поворачивается, и тяжело, точно в ней тонна веса, дверь открывается. Слабый запах горящего керосина. Женщина открывает дверь в два приема: сначала чуть-чуть, потом почти настежь, – и, отступив на шаг, я вижу, что прижимает руки к груди. Она стоит против света, и лицо ее трудно рассмотреть, но я вижу, что женщина гораздо моложе, чем я

предполагал. Из-за того что она маленького роста, шея кажется длинной и тонкой, и, будь здесь хоть чуточку темнее, я бы, пожалуй, принял ее за ребенка.

Протянув визитную карточку, представляюсь сдержанно, на манер банковского служащего. Правда, сам я ни разу не видел, как здороваются банковские служащие, но их манера здороваться представлялась мне смесью учтивости и безграничной самоуверенности, на что способен лишь человек, не испытывающий ни малейшего смущения. В данном случае это не было спектаклем, рассчитанным на то, чтобы вызвать доверие клиентки. Поскольку я пришел по ее просьбе, мне нет нужды навязывать свой товар. Но если хочешь сохранять дистанцию между собой и клиентом, подобная манера держаться лучше всего. Такова уж профессия – все равно на тебя часто смотрят с подозрением. Перед теми, кто ненавидит змей, не следует разыгрывать представление со змеями.

Женщина говорит хриплым голосом, точно шепчет. Не из-за волнения – у нее, видимо, от природы такой голос. И очень странная манера говорить, – кажется, будто она все время сосет леденец; это почему-то умиротворяет меня, я вздыхаю с облегчением. Так открывается занавес моих полутемных служебных обязанностей в этой полутемной прихожей.

Сразу же слева маленькая кухня, она же столовая. Дальше отгороженная тяжелой портьерой общая комната, она же гостиная. Комната, примыкающая к ней справа, если смотреть от прихожей, – спальня.

В гостиной, у самого входа, круглая керосиновая печка, в которой дрожит кольцо голубого пламени. Посреди комнаты круглый стол. Почти до пола свисает скатерть из пластика с напечатанным на ней кружевным узором. Половина левой стены занята книжными полками, другая половина – окном. На стене, против двери, вырезанная, наверно из журнала, репродукция картины Пикассо, на которой изображена женщина, одновременно смотрящая влево и вверх. Судя по тому, что литография заключена в рамку, она, несомненно, рассчитана на то, чтобы привлечь внимание гостей. Рядом с ней, гораздо больших размеров, – чертеж, мотор в разрезе. Чертеж мотора рассечен прямыми линиями и снабжен какими-то надписями красной шариковой ручкой. Слева от окна – треугольная полочка для телефона. В углу у противоположной стены, граничащей с соседней комнатой, – стереопроектор, явно самодельный. Над ним динамики, под прямым углом прикрепленные к стене, один против другого. Не удивительно ли стереоэффект от того, что они взаимно гасят звук? Мне предложен стул, стоящий спинкой к проектору. Попросив прощения за то, что вынуждена оставить меня в одиночестве, женщина, видимо, чтобы приготовить чай, раздвинула портьеру и скрылась на кухне. От движения воздуха запах керосина исчез и появился запах косметики, оставленный женщиной.

Как только она скрылась за портьерой, сразу же все, вплоть до ее образа, стало расплывчатым, неуловимым. Я противлюсь этому. Еще раз принимаю и, убедившись, что запаха табака, запаха мужчины нет, закуриваю. Отвернув свисающий до пола конец скатерти, убеждаюсь, что под столом нет ничего подозрительного. И все-таки какое-то странное ощущение. Зимой солнце садится рано, и оконное стекло стало окрашиваться в пурпурный цвет, но все же еще не пришло время зажигать электричество. Присмотревшись, еще даже можно различить валяющийся под телефонной полочкой черный колпачок от авторучки. Я, несомненно, видел эту женщину, но... во всяком случае, когда она предложила мне сесть и мы оказались друг перед другом через стол на расстоянии меньше чем в два метра... так и не могу взять в толк, почему же все-таки образ ее так сразу расплылся. Ведь вот уже четыре года я занимаюсь подобными делами. У меня уже выработалась привычка, даже совсем бессознательно, рефлекторно, схватывать характерные особенности человека, которого я увидел, и тут же мысленно рисовать его портрет, а в случае необходимости моментально восстанавливать его в памяти. К примеру, тот мальчишка на роликах... пальто темно-синее, суконное, со слишком широким воротником, кое-где порванное... шарф серый, шерстяной... туфли белые, парусиновые, внешние углы глаз опущены, волосы жесткие, растрепанные, брови образуют почти прямую линию, под носом

краснота. К счастью, дорога шла круто в гору, тормоз сработал, и все кончилось благополучно, но, будь подъем вдвое положе, а лошадиных сил в машине вдвое больше, как бы резко я ни тормозил, все равно бы не успел и правая нога мальчишки, который выставил ее, изо всех сил стараясь повернуть влево, чтобы избежать столкновения с машиной, обязательно оказалась бы под колесами. Хорошо еще, если бы отделался переломом. Мальчишка, потерявший из-за роликов устойчивость, при столкновении с автомобилем отлетел бы в сторону и ударился головой о металлическое ограждение. И даже если бы не раскроил себе череп, легко мог сломать шейные позвонки. Закатившиеся глаза, изо рта, из ушей, пенясь, течет сверкающе-чистая красная кровь... и меня бы сейчас здесь, конечно, не было...

За портьерой звон посуды... но не фарфора, а стекла... в такое время года вряд ли это будет холодное питье... но угостит ли она меня чем-нибудь алкогольным?... вряд ли... то, что обычно начинается чуть позже, – это всегда сцена непреодолимой печали, хотя степень ее бывает разная... наверно, готовит мне чашку зеленого чая, и, конечно, у нее все из рук валится... неслышные движения женщины... монотонный звук льющейся из крана воды... если все пойдет как обычно, она немного повздыхает, а потом пристанет с разговорами и будет болтать без умолку через портьеру – это ее не остановит; а я, прекрасно понимая причину этого – больная находит утешение уже в том, что выслушивают ее жалобу, – охлаждаю ее пыл, начав обсуждать расходы, в общем, буду играть довольно неприглядную роль – ничего другого мне не останется, но...

Женщина, которую я не могу вспомнить... женщина, точно фокусник, взмахом портьеры стершая свое лицо... неужели оно настолько лишено индивидуальности?... но хотя лица ее я и не могу вспомнить, зато о ее одежде в состоянии написать целое исследование. Проникнув сквозь одежду, вполне можно представить себе ее тело. Не скажешь, что худа, сложена пропорционально, изящна. Кожа, наверно, гладкая, правда не особенно белая, спина определенно покрыта нежным пушком. Впадина вдоль позвоночника глубокая, ровная. Возраст – да, ничего не скажешь, она более зрелая женщина, чем показалось сначала в темной прихожей, – но все равно ее девичья фигура, с грудью не большой, но и не маленькой, выглядит удивительно законченной, очень подходящей для новейших модных танцев, требующих подвижного тела. Мне удалось так далеко зайти в своем воображении, что казалось, если мысленно сделать еще один шаг и представить себе, какие черты лица подходят этому телу...

Если строить догадки, опираясь только на воображение, у нее должно быть привлекательное лицо, четко очерченное, очень подвижное... так я безуспешно пытался нарисовать портрет, но ничего не получалось... что-то бледное и невыразительное, как подтек на стене, может быть покрытое веснушками, всплывало в памяти... но если отвлечься от лица, то, например, волосы, прическу могу вспомнить... черные, сравнительно мягкие, струящиеся через гребень, длинные распущенные волосы, скрывающие левую половину чистого лба... падающий из окна свет создает вокруг головы золотистый ореол – наверно, потому, что она не пользуется маслом для волос... чистый лоб... да, высокий, очаровательный лоб... до него только и удалось добраться. В чем дело?... может быть, женщина сознательно не дает прочесть выражение своего лица?... или за время краткого пребывания в комнате она продемонстрировала пять-шесть выражений, причем абсолютно разных?... уж не скрывает ли она чего-то?... а если так – порученное дело потребует от меня гораздо больше хитрости и изворотливости, чем я предполагал... скоро уже три минуты, как она ушла на кухню... только распалила мое воображение, с нетерпением закурываю вторую сигарету... закуривая, встаю и, обойдя стол, останавливаюсь у окна...

Окно с частыми переплетами, но, поскольку они алюминиевые, тонкие, видно из него хорошо. Прямо перед окном, через выложенный бетонными плитами десятиметровый тротуар, – северная стена дома Хигаси, 2. На темной гладкой стене лишь пожарная лестница, окон нет. Внизу слева далеко видна широкая улица, по которой я приехал сюда. Прижавшись лицом

к стеклу, можно увидеть и мой автомобиль. Если же подойти вплотную к книжной полке, слева от окна, дорога в другую сторону видна до самого спуска, и, поскольку эта перспектива под углом примерно в тридцать градусов пересекается с торцом соседнего дома, тротуар виден лишь до противоположного конца дома 2.

Примерно посредине, между тем местом, откуда я смотрю, и моей машиной, растерянно замигали ртутные лампы уличных фонарей. Наверно, какая-то неисправность, и автоматический выключатель реагирует на нее. А может быть, просто пришло время их зажигать. Прохожих стало несравненно больше, и не только женщин, возвращающихся с покупками, но главным образом мужчин, спешащих с работы домой. Наверно, подошел автобус. Если смотришь сверху вниз, ясно осознаешь, что люди – шагающие животные. Кажется даже, что они не столько шагают, сколько, борясь с земным притяжением, усердно тащат свой мешок из мяса, набитый внутренностями. Все возвращаются. Приходят туда, откуда ушли. Уходят для того, чтобы прийти обратно. Прийти обратно – цель, и, чтобы сделать толстые стены наших домов еще толще и надежней, уходят запастись материалом для этих стен.

Но изредка появляется человек, который уходит и не возвращается...

– Итак, каковы ваши предположения? Рассказывайте по порядку все, что вспомните.

– Нечего рассказывать. У меня просто нет никаких предположений.

– Достаточно того, что вы вспомните. Даже если вы не располагаете никакими доказательствами и подтверждениями...

– Угу... Ну тогда спички...

– Что такое?

– Спичечный коробок... в кармане плаща вместе со спортивной газетой лежал коробок спичек, взятый в каком-то кафе, но...

– О-о, это интересно... – Снова разглядываю лицо с моментально исчезающим выражением – лицо, приводящее меня в замешательство, и снова чувствую себя неудобно. Лицо, которому бы очень пошла легкая улыбка в границах робкого равновесия, поразительно безмятежно, будто исчезновение мужа превратилось в источник успокоения. Уж не потому ли, что из-за горя и отчаяния, длящихся полгода, пружина, приводившая в движение волю, лопнула, утонула в безграничной отрешенности? А может быть, черты ее лица – не исключено, что она красавица, – как-то сместились, точно я смотрел на нее сквозь нефокусированную линзу. – Если рассматривать этот спичечный коробок как улику...

– Да нет... просто он лежал в кармане плаща.

– Видите ли. Если вы подтвердите свое заявление, которое вы нам подали, мы, естественно, немедленно начнем розыск. Но я хочу еще раз объяснить, что внесенный вами задаток составляет недельные расходы по розыску и, если за это время нам не удастся найти вашего мужа, гонорар, предусмотренный при успешном завершении розыска, вы платить не будете. Но и внесенные в качестве задатка тридцать тысяч иен также не будут возвращены. В случае же продолжения розыска придется внести еще тридцать тысяч иен. Помимо этого, вы должны будете оплатить текущие расходы...

– Расписаться здесь?

– Но учтите, сведения настолько скудны, что розыск может оказаться безрезультатным. Это моя профессия, и мне, в общем-то, все равно, но подумайте, не выбрасываете ли вы на ветер тридцать тысяч иен. Может быть, у вас есть какие-нибудь пожелания? За кем конкретно мы должны, по-вашему, следить, где, по-вашему, мы должны искать?..

– Если бы я знала... – Женщина отрицательно покачала головой и, глотнув, точно пробуя на вкус, пиво, от которого я отказался, так как был за рулем: – Да вот взять хоть, к примеру... того человека – возможностей, казалось бы, у него сколько угодно... а у кого ни спрашивал, говорят, причину понять не могут...

- Возможностей?
- По работе...
- Вы что ж, сами занимались розыском? Прошло-то уже полгода...
- Да, мой брат...
- А, это тот, который подошел к телефону. Он так разговаривал, будто считает себя вашим доверенным лицом. В таком случае кратчайший путь – поговорить с самим братом.
- Но я не знаю точно, где он живет...
- Ну это уж слишком. Тот, кто ищет пропавшего без вести, сам пропал без вести! Заколдованный круг какой-то.
- Брат не пропадал без вести. Раз в три дня он обязательно звонит мне... я все мечтаю, хоть бы муж по телефону позвонил. Я бы тогда перестала жить в постоянном страхе... ужасно тяжело – ведь не знаешь, что его к этому побудило.
- Но я не заметил, что вы живете в таком уж страхе.
- Странно, правда? Привычная выдержка, видимо.
- Вы, значит, все поручили брату, а сами ничего не предпринимали?
- Я ждала. Из дня в день, из дня в день...
- Ждали, и больше ничего?
- Брат был против, да и я боялась оставлять надолго дом.
- Почему?
- А вдруг, как раз когда меня не будет дома, вернется муж? Что он будет делать?... разминемся мы, и все...
- Теперь объясните, почему брат был против.
- Видите ли... – Выражение лица женщины становилось все более далеким, расплывчатым, веснушки под глазами похожи на вуаль, обволакивающую ее сон. – Брат, во-первых, из-за того, о чем я сказала, ну и потом у него были какие-то свои соображения... кроме того, у меня самой и сил бы не хватило... но мне уже стало неведомо ждать... и поэтому брат наконец уступил, и я решила обратиться к вам...
- Вы много пьете?
- Женщина, удивленно посмотрев на меня, подняла от стакана бутылку, из которой она машинально доливала пиво, и покачала головой, точно разговаривала сама с собой.
- Иногда, после того как мужа не стало, я только жду и вижу сны наяву... странные сны, будто я гонюсь за ним... будто неожиданно он появляется сзади и начинает щекотать меня... И хотя я понимаю, что это сон, смеюсь, смеюсь от щекотки, и на душе у меня становится как-то странно... необычные сны...
- Да, мне, пожалуй, следовало бы встретиться с вашим братом.
- Как только он мне позвонит, я ему передам... но, знаете ли, он ведь не стремится к встрече с вами.
- Почему?
- Как бы это лучше сказать... в общем, мне так кажется, а объяснить как следует не могу...
- Видите ли, мне нужны сведения. Ясно? Я не собираюсь копаться в жизни вашего брата. Я хочу одного – получить необходимые сведения. Если я с самого начала буду делать то, что уже сделано им, то потрачу в два раза больше времени. Конечно, если вы хотите этого, что ж, у меня возражений нет.
- Я рассказала все, что знаю. А что я должна еще сказать?
- О своих подозрениях.
- Ну что же мне делать? Сколько бы вы ни спрашивали, я ничем помочь не могу, нет их у меня.
- Ладно... – Я решил отступить. – Тогда, может быть, вы мне расскажете все по порядку.

– Все очень просто. До удивления просто... так вот... – Женщина легко поднялась со стула, подбежала к окну и поманила меня рукой. – Вон там... видите, шагах в десяти от того фонаря... ну, люк между тротуаром и газоном... там сразу же пропали его шаги... Почему?... Почему там?.. Ведь ему там абсолютно нечего было делать...

Темная дорога... слишком темная дорога... слишком белая дорога, где-то вдаль соединяющаяся с молочным небом, дорога в долине, утонувшей на дне неба, окрашенного ртутными уличными фонарями... От фонаря прохожу десять шагов и носком ботинка нащупываю крышку люка... здесь, кажется, как раз и пропали *его* шаги...

Заброшенная, всеми покинутая долина времени, где не только женщин, которые вышли купить продукты на ужин, но даже и красные детские коляски и мальчишек на велосипедах – всех точно вымело темнотой, а служащие, те, что прямой дорогой возвращаются домой, уже успокоились, разложенные по пеналам, тем же, которые по дороге заглядывают кое-куда, возвращаться еще слишком рано... я останавливаюсь... как раз здесь пропали *его* шаги.

Прорываясь в промежутки между домами, дует ветер. Поток холодного ветра, ударяясь об острые углы зданий, завывает на таких низких тонах, что ухо не может уловить их. И хотя ухо не может уловить их, стон этого огромного органа пронизывает все тело. Оно покрывается мурашками, кровь застывает, и застывшая кровь, влившись в сердце, превращает его в красный ледяной мешочек в форме сердца. Выщербленный асфальтовый тротуар. Белое пятно на газоне – разорванный и выброшенный старый мяч. Труп растрескавшейся дороги, на которой ни живой души, хотя она и освещена ртутным фонарем, отчего даже мои запыленные ботинки кажутся позолоченными. По этой дороге никогда не дойдешь, куда тебе нужно.

Полгода назад был как раз август – еще самый разгар жаркого лета. Асфальт был вязким, как резина, а вокруг фонаря кружился рой мошкары. Газон – зеленая речушка, на которой ветер поднимает рябь; на дне ее утонул разорванный мяч, и если приходилось идти вот так, топя, то не потому, что мерзли ноги, а чтобы разогнать тучи комаров, поднимающихся из люка... Если *он* остановился как раз здесь... нет, нет, последний раз *он* проходил тут, когда было еще утро... раннее утро, когда фонари закрыли глаза, мошкара забила в свои гнезда в корнях травы и черная долина, сорвав с себя одежду, снова превратилась в белую горбатую улицу, сливающуюся с небом, а может быть, это было удивительное утро, и сверкало голубое небо, потому что дул сильный юго-западный ветер, – та самая трагическая минута, когда по сигналу первого удара сердца города ключи в сотнях пеналов, с разницей не больше чем в пять минут, повернулись и толпа служащих, непохожих друг на друга, но и неразличимых, как водяной вал, вырвавшаяся из открытой плотины, заливал улицу во всю ее ширину...

– Да, действительно, точно полчища крыс во власти чар... есть такая сказка, разве вы не знаете ее?.. – Женщина, пытаясь, видимо, показать ширину улицы, разводит, насколько возможно, руки, и глаза ее увлажняются – может быть, из-за пива, ведь она выпила целую бутылку, и, переводя глаза с одной руки на другую, бормочет: – Ух ты, темно-то как, – быстро встает и зажигает свет и тут же скрывается на кухне и продолжает говорить в том же тоне, но теперь уже через портьеру: – Не только тротуары, даже мостовая битком забита... да к тому же еще все бегут, чтобы не опоздать на автобус...

– Но ведь в часы пик на автобус надеяться рискованно.

– Конечно. – Женщина возвращается, держа в руке новую бутылку пива. – Потому-то им и приходится еще быстрее бежать.

Поставив бутылку на стол, она неожиданно поворачивается к окну. Когда в комнате зажегся свет, на улице стала ночь. В окне отражается литография Пикассо. Женщина, будто чем-то напуганная, резко задергивает штору, и тогда лимонный цвет, закрывший половину стены, преобразует комнату. Цвет лимона, но не свежего, а слегка увядшего от долгого лежания.

ния на витрине магазина. Лишенная хозяйина, казавшаяся брошенной, комната благодаря этому лимонному цвету ожила. Будто ей не хватало не пропавшего *его*, а просто лимонного цвета. Над книжной полкой оказалась вышитая кошка. Под чертежом мотора обнаружилась полочка для безделушек – на ней лежат вязаные ажурные перчатки. Комната, которой очень идет лимонный цвет. Женщина, которой очень идет лимонный цвет. Комната женщины. Комната для женщины, отрезанная от всего мира вместе с жизнью женщины. Я чуть склоняю голову набок. Шестая сигарета. Женщина пьет вторую бутылку пива. Все очень подозрительно.

От фонаря всего лишь десять шагов в сторону спуска. Около маленького люка, находящегося на границе с газоном. Не смешиваясь с толпой служащих, бегущих по улице, точно их гонят, *он* медленно шел, задумавшись, по краю этого тротуара. Проходившие рядом видели *его* своими глазами, и, хотя в самом деле были последними, кто видел *его*, может ли этот факт иметь какое-нибудь значение?

– Чем бежать к автобусу, на который все равно нельзя надеяться, разумнее было бы с самого начала рассчитывать на метро и идти спокойно, да и дорога туда под гору. Тем более что в то утро он ведь условился о встрече на станции S. Правда, если ехать прямо в фирму – автобусом удобнее...

– А встречей он пренебрег.

– Пренебречь – значит совершить запланированное действие, продиктованное волей.

– Тогда что-то другое. Скажу иначе. Ну как бы это лучше выразиться?..

– А ведь за три дня до этого он ездил на машине, верно?

– Да, но из-за какой-то поломки поставил ее, как мне сказал, на ремонт.

– А теперь эта машина?..

– Действительно... куда же она девалась?.. – Удивленные, широко открытые глаза женщины никак нельзя было назвать невинными. – Брат наверняка должен бы знать...

– Опять брат. Но, к сожалению, я не имею возможности встретиться с этим братом...

– Видите ли... брат есть брат... пригласить вас – это была как раз мысль брата... поэтому мне бы хотелось, чтобы вы верили ему. Просто брат такой уж человек... – И, сразу же оживившись: – Знаете, а он не пренебрег встречей, ничего подобного... это уж точно... есть доказательства... да, да, я вспомнила... в то утро, не успел он выйти, как сразу же вернулся... я думаю, это очень важно... после того как спустился по лестнице, и минуты не прошло... за скрепкой... он отобрал часть документов, которые обещал передать на станции S., и решил, что лучше всего сколоть их скрепкой...

– Значит, вы спрашивали его, зачем он вернулся?

– Да, возможно. – Женщина слегка улыбнулась, обнажив зубы, но не смогла спрятать таившийся в глазах испуг. – Я всегда сама с собой разговариваю... простите... такая у меня привычка... когда разговариваешь сама с собой, сколько ни повторяй одно и то же, никто слова не скажет... так вот эта скрепка, пустяк вроде бы... я тоже так всегда думала... но то, что он вернулся, чтобы взять ее, – разве это не доказательство, что он намеревался выполнить свое обещание встретиться?.. все меня спрашивают, и я в конце концов привыкла повторять это...

– Все?

– Ну да, мои собеседники, когда я разговариваю сама с собой... но вот эта скрепка, какая же она бессердечная... чтобы скалывать документы, она, может быть, и подходит, но ведь скрепкой или еще чем-то нужно сколоть мое самое большое, самое важное желание... понимаете?..

Я медленно иду, останавливаюсь, поворачиваю обратно и снова иду... выщербленный асфальтовый тротуар... от угла дома 3 – тридцать два шага... поднимешь голову – точно зачарованные, зовущие на праздничное шествие, которое никогда не наступит, стоят ряды фонарей, похожие на немигающие искусственные глаза. Тусклые прямоугольники светящихся окон

– удаляющиеся фигуры, давным-давно отказавшиеся от праздника. Снова иду, подняв воротник, – ветер, как мокрая половая тряпка, бьет по щекам...

Если целиком поверить надеждам женщины или ее разговору, который она ведет сама с собой, тогда в промежутке этих тридцати шагов таится какое-то странное происшествие, может быть, здесь он устроил тайник... и таким путем отказался не только от встречи на станции S., но и вообще от людей, смело перешагнул пропасть, которая не позволит ему вернуться назад...

– Ладно. Все же, если дать волю воображению, кое-что представить себе можно. К примеру – вы только не расстраивайтесь, – шантажист, воспользовавшийся какой-то оплошностью вашего мужа... к примеру, бывшая любовница или ребенок, рожденный от него любовницей... это часто бывает... ошибки молодости, которые не удалось похоронить, неожиданно появляются, как призраки, – в этом нет ничего удивительного... да к тому же еще и август... призраки больше всего любят гулять в это время. Нет, это, конечно, не значит, что призраками бывают одни только женщины. Не менее вероятным претендентом на такую роль может оказаться и соучастник давней растраты, теперь уже превратившийся в дряхлого старика. Ну или, к примеру, он получил привет от бывшего преступника, за день до этого выпущенного из тюрьмы... кстати, вам ничего не известно о каком-нибудь человеке, неоднократно попадавшемся на шантаже и арестованном по доносу вашего мужа? Не исключено, разумеется, что западню ему подстроил и совершенно незнакомый человек. Дело в том, что в последнее время невероятно участились случаи интеллектуальных преступлений. Стали распространенными такие, например, бандитские действия: совершенно незнакомому человеку от своего имени тайно страхуют жизнь, а потом сбивают автомобилем. Правда, в этом случае очень трудно соблюсти все требования закона, так как, если при обнаружении трупа личность погибшего не будет установлена, не удастся получить ни сзна. Нет, поскольку от полиции никаких сведений не поступало, пожалуй, нужно будет исключить смерть от несчастного случая или преступление, имитирующее смерть от несчастного случая. Если же произошло убийство, то труп может оказаться в бочке из-под цемента где-нибудь на дне моря... и в этом случае расследование затянется... нужно будет хорошенько расспросить его товарищей... может быть, замешана какая-то контрабандистская организация, может быть, группа фальшивомонетчиков...

Женщина, отпив до половины второй стакан, отодвинула его. Она сидела неподвижно, глядя, как лопаются пузырьки пены, превращаясь в мутный осадок. Что она, задумалась, рассердилась, а может быть, просто замечталась? Слегка оттопыренная нижняя губа. Нижняя губа еще совсем детская, казалось, не отвыкшая от груди. Маленький, задорно вздернутый носик.

– Нет, сильнее всех этих шаек может оказаться самый ничтожный, буквально выеденного яйца не стоящий случай. Дьявол не дремлет. Вот подлинная история. Директор отделения банка, слывший педантом даже среди педантичных своих товарищей – банковских служащих, в день ухода на пенсию пошел посмотреть стриптиз и неожиданно потерял голову из-за танцовщицы. У нее была привычка, не обращая внимания на окружающих, сколько бы народу вокруг ни было, грызть ногти. И в перерывах между выходом на сцену, где она исполняла некое подобию танца, беспрерывно грызла ногти, и, может быть, поэтому никому не нравилась и не пользовалась никаким успехом. Но вышедшему в отставку директору отделения банка как раз и понравилась ее привычка грызть ногти. Он приходит туда три дня подряд, потом передает ей любовное письмо. На четвертый день везет ее обедать, все как будто очень хорошо, но на пятый – катастрофа: в комнате женщины оба кончают жизнь самоубийством. Лезвием безопасной бритвы. Чем вещество тверже, тем легче оно разлетается на куски – таков закон.

Выражение лица женщины по-прежнему не изменилось. Пена в стакане почти растаяла. Сбоку пена напоминает джунгли, сфотографированные с самолета. Что видит женщина? Вдруг – может быть, это свет так лег – вдоль нижнего века наливается что-то, напоминающее полоску блестящего бесцветного лака... Слеза? Я теряюсь... это не входит в мои планы...

– Единственное, о чем я хотел еще спросить, – это о том случае со скрепкой... как вы говорили, скрепка, возможно, служит доказательством, что он всерьез думал о документах... но ведь тогда он, как и договаривался, должен был пойти на станцию S., чтобы передать их, верно? Видимо, здесь уже какая-то другая проблема. Она, разумеется, имеет отношение к содержанию этих документов, но все же...

– Это никому не известно.

Ее ответ легко вернулся ко мне, как отскочивший мяч, в ее голосе слышались нотки, которых не было раньше, до того, как она замолчала.

– Но документы, видимо, необходимы были фирме?

– Да нет, ничего серьезного в них, я думаю, не было.

– Мне нужно не ваше мнение, а факты. Ну хорошо, об этих документах узнаю завтра в фирме... никак не укладывается это у меня в голове... могу понять, что у вас нет никаких предположений, – вопрос сугубо личный, и тут уж ничего не поделаешь, но я просто не могу представить себе, как человек, который настолько любит порядок, не оставил ничего – ни записок, ни дневников, ни визитных карточек, ни адресов – в общем, ничего, что помогло бы напасть на след. Здесь какое-то противоречие. У вас нет никаких предположений, и на этом основании вы утверждаете, что исчезновение было совершенно неожиданным, но все указывает на обратное. Мне кажется, в данном случае вполне уместна поговорка: летящая птица следа не оставляет.

– Но ведь случай со скрепкой действительно произошел, и, кроме того, он не притронулся к чековой книжке...

– Скрепка, скрепка, скрепка... послушайте же, ну почему вы не допускаете мысли, что это был продуманный маневр, чтобы заставить вас так подумать? Может быть, таким способом он хотел в последний раз тайком сказать вам *до свидания*...

– Едва ли... все время, пока я искала скрепку, он чистил ботинки и насвистывал странный мотив.

– Странный?

– Какая-то рекламная телевизионная песенка...

– Перестаньте. Вы вольны сами себе лгать, но меня-то обманывать какая польза.

– По правде говоря, было, пожалуй, кое-что... боюсь, что телефонная книжка...

Она впервые поворачивает голову к углу комнаты, где стоит телефон, и уже начинает было грызть ноготь большого пальца, но тут же поспешно прижимает сжатый кулак к губам. Хотела скрыть, но ничего не получилось. Старается бороться с дурной привычкой, но все равно на краях ногтей, специально покрытых толстым слоем лака, белые следы от зубов... Женщина виновато улыбается.

– Значит, была телефонная книжка?

– Можно ее так, пожалуй, назвать... нажмешь на нужную букву, раз – и переплет сам откидывается... черной эмалью покрыта... вот такой примерно величины... да, да, она всегда лежала вон на той полочке...

– Она пропала одновременно с исчезновением мужа?

– Нет, скорее всего, ее унес брат. Брату не удавалось заставить меня сидеть и ждать, ничего не предпринимая. Однако, сколько он ни разузнавал, ничего, что могло бы навести на след, обнаружить не удавалось, и поэтому он решил прекратить поиски. Но если бы эта телефонная книжка вечно маячила перед глазами, для меня стало бы невыносимым сидеть сложа руки. А брат был против. Не хотел, чтобы я влезала в такое опасное дело.

– Опасное?

– У каждого человека одна карта жизни. Много-то зачем... брат так говорит... а мир – это лес, густые заросли, кишашие дикими зверями и ядовитыми гадами, и пробираться сквозь них можно, только когда твердо уверен в безопасности...

– В общем, раньше, чем вымыть руки, продезинфицируй мыло, это он имеет в виду?

– Вот именно... действительно такой характер у него, у брата... вернувшись домой, он без конца суетится: и руки вымоет, и горло прополощет...

– Но все же прошу вас: позвоните прямо сейчас брату.

На лицо женщины вдруг упала серая тень. Нет, вернее, поднялся занавес и выглянул настоящий цвет лица. Впервые поддавшийся настройке взгляд. Тихо поглаживая пальцами край стола, она беззвучно встала, зашла в узкое пространство за стулом, отчего в лимонной шторе образовалась небольшая впадина. Женщина, напоминающая человека, пойманного с поличным... напряженная поясница, сопротивляющаяся тяжести... снимает трубку, не заглянув в записную книжку, набирает номер и пальцем, которым набирала номер, теревит шторм... гибким пальцем, будто лишенным суставов... видимо, привычка крутить в руке все, что ни попадется... может быть, эту привычку она выработала, чтобы отучиться грызть ногти?... Штора тихо качается, и кажется, будто она тоже слегка опьянела... но есть здесь и черно-желтый знак: «Внимание, опасность...»

– Действительно, – женщина говорила хриплым шепотом, обращаясь к кому-то, возникшему перед ее мысленным взором, – прилипла эта привычка разговаривать сама с собой... и ведь верно, первым, от кого я это услышала, был он... я сначала и не поверила... сразу после того, как он беззаботно насвистывал... чувство, которое я тогда испытала, можно назвать испугом... странно, никто не подходит... наверно, нету дома...

– Куда вы звоните?

– Прямо туда...

– Человеку, который последним видел его? Оставьте, пожалуйста. Там сыты по горло вашими звонками. И, кроме того, прошу я вас совсем не об этом телефонном звонке.

Она испуганно, точно нечаянно схватила гусеницу, кладет трубку.

– Ну а кому же?

– Мы ведь договорились – брату.

– Брату бесполезно. Видите ли...

– Мне нужна карта – пусть не одна, пусть десять, двадцать. Единственная фотография и единственный потерянный коробок спичек – ну что они могут дать? Моя профессия – этим я отличаюсь от вас – вынюхивать опасности. И в заявлении, которое вы только что подписали, ясно сказано: вы подтверждаете, что готовы представить все сведения. Я думаю, вас никто не заставлял обращаться к нам.

– Брат знает. Нет ничего, что могло бы помочь вам, – он сам тщательно все проверил...

– Ну и самонадеянность. Тогда зачем же вы меня наняли?

– Потому что я не в силах больше ждать.

Действительно, ждать невыносимо. И тем не менее я продолжаю ждать. Я медленно иду, останавливаюсь, поворачиваю обратно и снова иду... время от времени подходит автобус и слышится нестройное постукивание каблучков, но все равно не видно ни души... не только ни души, невозможно обнаружить ни пропасти, ни разлома, ни магического круга, ни таинственного входа в подземный переход – ни малейшего намека хоть на что-нибудь подобное не обнаружить... есть лишь отчаявшаяся в ожидании темная, пустая перспектива... и стонущий, точно больной, февральский ветер...

А ведь было утро, половина восьмого, самое незамутненное время... время, подобное дистиллированной воде, когда не может произойти ничего таинственного... что же таинственного могло произойти с одним из начальников отделов фирмы по продаже горючего? Может, от него потихоньку избавились, а может быть, он тайно встречается с глупой заявительницей? В общем, с какой стороны ни подходи, невидимый в любом случае невидим. Кто не хочет, чтобы его видели, и сам не намерен смотреть. Тот, кто хочет смотреть, уже видим. Я пристально всматриваюсь только туда. Тусклый прямоугольник лимонного окна... окна комнаты, где я

только что побывал. Эта лимонная штора верно служит женщине, чтобы не впускать тьму, она смеется надо мной, мерзнувшим во тьме. Но все равно предал женщину ты. Заставляешь ее ждать. Заставляешь ждать до такого часа.

Торопливо приближаются шаги, будто кто-то наступает только на каблуки, и тогда я впервые отрываю взгляд от лимонного окна. Неуверенная женская походка, сбивчивое постукивание запоздалых высоких каблуков, раскачивающийся сбоку бумажный пакет... белому пальто, отделанному мехом у ворота и рукавов, не спрятаться и в темноте... делает вид, что не обращает на меня внимания, но обмануть не удастся. Напряженный, точно в доспехах, торс, повернутый в мою сторону... а что, если взять и повалить ее на газон?... она будет лежать безмолвно, подобно изваянию, и делать вид, что лишилась чувств, — это уж точно... белое пальто слишком бросается в глаза, поэтому, может быть, стоит засыпать ее опавшими листьями, покрывающими траву?... погребенная под листьями неподвижная женщина... и под этими листьями обнаженная женщина, снаружи остаются лишь руки и ноги... налетает ветер, и открывается лицо... и лицо это превращается неожиданно в лицо той самой женщины за лимонной шторой... поднимается еще более сильный ветер и сдувает с нее оставшиеся листья... но тогда вместо предполагаемого обнаженного тела возникает черная пустота... прямо под фонарем тень женщины в белом пальто прочертила окружность, а потом, разрастаясь и разрастаясь, растаяла в темноте... руки и ноги тоже исчезли, и осталась лишь пустота, подобная бездонному колодцу...

Ощущение, будто вместо ботинок влез в холодное рыбье брюхо. Но подожду еще с полчаса. Если только мое предположение верно... даже мысли не хочу допустить, что оно ошибочно... скоро на той шторе обязательно появится тень склонившейся женщины. С ней у меня все будет иначе, чем с той женщиной под листьями. Не я буду выбирать, выбирать будет она сама.

Я с самого начала был твердо уверен — если она захочет позвонить по телефону, стул будет ей мешать, и ей придется принять именно эту позу. Она станет боком к окну, и свет будет падать так, что голова окажется чуточку срезанной. Штора редко соткана из толстых ниток, и поэтому нечего опасаться, что тень сквозь нее не будет видна. Лишь бы наступил этот момент — тогда ждать стоит, хоть и холодно. С кем она будет разговаривать по телефону? Ясно... конечно же, с тем, кого она называет братом, с этим подозрительным типом. Станный человек, если о нем говорят, что местожительство его невозможно установить, из-за того что он добрый, умный, самоотверженный, слишком глубоко все обдумывающий... выступая от имени заявительницы, в ответственный момент поручает переговоры спивающейся женщине, которая грезит наяву, корчится от смеха, будто ее щекочет какой-то воображаемый мужчина, разговаривает сама с собой... безответственный опекун, не желающий казать лица...

Ладно, пусть будет так. У меня нет ни малейшей необходимости доискиваться, правдивы ли слова заявительницы. Такова моя профессия, и я сколько угодно буду служить клиенту — пусть лжет, лишь бы деньги платил. Но если не знать хотя бы в общих чертах планы клиента, невозможно как следует исполнить даже роль болвана. Или, скорее, учесть все так же трудно, как исполнять роль болвана. Ну и, кроме того, существует еще и то, что именуется чувством собственного достоинства. Роль болвана — прекрасно, но когда с тобой сознательно обращаются как с болваном, — это затрудняет общение. Мне заплатили тридцать тысяч иен, следовательно, хотят, чтобы сфера моей деятельности была ограничена тридцатью тысячами иен.

Поставив чемодан к ногам и потирая о бока руки, засунутые в карманы пальто, я не отрываю глаз от лимонной шторы. Вверх по склону, со скрежетом, будто вот-вот развалится на куски, поднимается такси и, разрезая тьму, скрывается между домами. Подожду по крайней мере, пока оно не вернется. Но если и до тех пор не появится тень, которую я ожидаю... это невозможно... слишком уж подозрителен этот братец... для разумного человека было бы гораздо логичнее и естественнее, вместо того чтобы отдалиться, с самого начала постараться сблизиться.

До ушей, точно вздох земли, донесся, будто перекатываясь по бесконечным трубам, далекий звук резко захлопнутой стальной двери. Где-то в воздухе пронесся жалобный собачий вой. Захотелось помочиться. Тело охватила дрожь, кажется, терпению пришел конец. Показалось, что, искрясь, идет снег, но, видимо, это галлюцинация из-за того, что слишком напрягаю зрение в темноте. Закрываю глаза – снег все равно продолжает падать. Но еще труднее, чем в этот снег, поверить в...

Возвращается такси, теперь уже свободное. Так во что же трудно поверить?... было столько всего, во что трудно поверить, что я уже не помнил, что собирался ставить под сомнение... видимо, даже способность мыслить и та застыла... окно лимонного цвета, за которым ничего не изменилось... стеклянный шарик, по ошибке вложенный в рот вместо леденца... лучше бы не стараться так, изо всех сил... Помочившись, беру чемодан и возвращаюсь к машине... рев мотора... если все идет, как я предполагал, то этот звук, предназначавшийся для заявительницы, теперь кажется отвратительным, раздражает меня... да, если утверждать, что это факт, то нужно именно с этого факта начинать.

Истертый рекламный коробок спичек и фотография. На карте слишком много белых пятен. И потому-то я не должен наобум закрашивать эти белые пятна. Я ведь не страж закона.

Донесение

12 февраля. 9 часов 40 минут. Посетил место, откуда появился коробок спичек. От дома заявительницы примерно в двадцати минутах ходьбы, если направиться в сторону станции S. по улице, где ходит автобус, с таким расчетом, чтобы станция метро в конце спуска оставалась справа, то слева окажется платная стоянка автомашин, а сразу же наискосок вывеска «Камелия», выведенная такими же иероглифами, как на этикетке спичечного коробка. Самое обычное кафе, всего на восемнадцать мест. Кроме хозяина, одна официантка. Возраст – примерно 22 года. Полноватая, круглолицая девушка, с маленькими глазками и следами от угрей на лбу. Девушка в модных чулках, любящая броско одеваться, но абсолютно ничем не примечательная. В общем, не она объект расследования. На двери объявление: «Требуется официантка». Я подумал, что либо их не хватает, либо одна из официанток в течение месяца должна уйти, и решил исподволь вывести у хозяина. Оказалось, что мои предположения ошибочны – просто нужна официантка для нового заведения. Я показал фотографию пропавшего без вести, описал особые приметы, но и хозяин и официантка в один голос засвидетельствовали, что не имеют о нем ни малейшего представления и, уж во всяком случае, он не постоянный посетитель. (Примечание. Стоимость кофе 80 иен.)

...Утром я был с похмелья. Поэтому хотя и выпил две чашки кофе, но поставить в счет плату за обе постеснялся и решил записать одну.

На основании этого нельзя, конечно, утверждать, что в донесении о кафе «Камелия» есть какие-то серьезные упущения. И сильно помятый спичечный коробок, и его стершаяся этикетка, и неудобное местоположение кафе – все это точно согласовывалось со словами хозяина, что *он* не был постоянным посетителем, ну что можно еще к этому добавить?

Ободранная стена с незаделанными следами перестроенных полок. Прикрепленная к стене цветная фотография какой-то кофейной плантации в Южной Америке. На ее загнутых углах толстым слоем лежит пыль – человек, повесивший фотографию, безусловно, забыл о ее существовании. Судя по тому, что на ней все в широкополых шляпах, там, видимо, ослепительно-яркий день, а здесь – выжимки белесого февральского солнца, запутавшиеся в сетчатой шторе, да красный огонь керосиновой печки, чадающей под выцветшей пальмой. Вдобавок, кроме меня, нет ни одного посетителя, мрачная девица склонилась у стойки над иллюстрированным журналом, да и хозяин со сморщенным лицом, будто чихнуть собирается, не обра-

щая на меня внимания, лениво протирает столы и каждый раз, покончив с очередным столом, выглядывает на улицу и глубоко, протяжно вздыхает. Если что и можно к этому добавить, то только объявление: «Впереди тупик». Дальнейшие домыслы – такое же дурацкое занятие, как исследование фотографии кофейной плантации с помощью лупы. Не только он – любой, не успев сесть за этот столик, первым делом подумает: какое счастье, что есть место, куда можно возвратиться. Во всяком случае, в моем донесении нет ни грана лжи.

Когда хозяин подошел к соседнему столику, я, захлопнув чемодан, поднялся. Кафе – узкое и длинное – тянется вдоль улицы, и хозяин, чтобы дать мне дорогу, вынужден, втиснувшись между столами, ждать, пока я пройду. При каждом шаге из щелей между половыми досками проступает черный жир. Протянув двести иен девице, поднявшей недовольное лицо от журнала, и ожидая сдачу, я решил отказаться и от посещения клиентки. Я столько раз повторял себе это, пора бы привыкнуть. Но может быть, встретиться с братом? Ничего не случится, если я попытаюсь выяснить, что же, в конце концов, представляет собой этот человек. А сейчас, хотя интересы обоих как будто совпадают и писать об этом в донесении не стоит, тем не менее не исключено, что обстоятельства вынудят его снять маску и между ними произойдет разрыв. Формальной заявительницей является женщина, и с ее братом я никакими обязательствами не связан.

Красный телефон-автомат у кассы, захватанный грязными руками вплоть до отверстий в диске. Набрав номер своего агентства, связываюсь со справочным отделом. Прошу зайти в районное управление по месту прописки женщины до замужества и в домовую книгу срочно выяснить все, касающееся ее брата. При этом я достаточно громко, чтобы слышали хозяин и официантка, произнес теперешнюю и девичью фамилию женщины. Но с их стороны не последовало никакой реакции. То, что ее не последовало, видимо, естественно. Даже если бы мои самые худшие предположения подтвердились, совсем не обязательно, чтобы они поддерживали связь, пользуясь настоящими именами.

Хозяин, кряхтя, убирает посуду с моего стола. Слыша за своей спиной голос девушки, у которой еще сохранился кантоский выговор¹, я выхожу на улицу. Молочно-мутное небо – и в то же время яркое. Перед самым кафе, почти касаясь друг друга, снуют огромные автобусы. Воспользовавшись тем, что поток на мгновение прервался, я перехожу через дорогу и направляюсь к автостоянке. На ограждающей ее колючей проволоке в ряд висят три объявления:

«Платная стоянка. Один час – семьдесят иен. За длительное пользование – скидка». Внизу красными иероглифами обозначен номер телефона.

«Прямо туда». Реклама гостиницы, куда указывает метровая рука.

Почти закрывая всю сторожку при въезде: «Контора частных такси Ханава».

Платя семьдесят иен сторожу с подбитым глазом, чуть ли не верхом сидевшему на жаровне, я подумал, что нужно не забыть и их включить в донесение, и спрятал в бумажник квитанцию со штампом. Оборачиваюсь. Сетчатая штора, будто черная тушь, закрасила окно «Камелии», и в нем отражается уличная толчея у аптеки напротив. На карнизе второго этажа появилась толстая, как свинья, кошка и медленно идет по нему. Пройдя пять-шесть шагов, она неожиданно исчезает. У самого конца карниза торчит высокая труба бани, и из нее вьется легкий, прозрачный дымок. По привычке начинаю доставать фотоаппарат, но необходимости в этом нет. Каким доказательством может служить место, куда вторично попасть невозможно?

Моя машина третья в левом ряду. Она спряталась в глубине, и я не сразу ее нахожу. Когда наконец показался ее сплюснутый нос, от сторожки, хрустя галькой, ко мне поспешно подошел человек.

¹ Диалект японского языка на востоке острова Хонсю. – Здесь и далее примеч. перев.

Потребуется дополнительную плату?..

Человек широко улыбается и без всякого стеснения, медленно, сверху вниз скользит по мне глазами. Противный взгляд у этого типа. От широко развернутых, хотя и костлявых плеч пальто ниспадает вниз отвесно, а у карманов – может, в них что-то вложено? – прямая линия круто ломается. Выражение лица недовольное, несмотря на фальшивую улыбку, – может быть, из-за слишком длинных волос на висках? Характерная походка – виляет бедрами, будто специально привлекает к ним внимание. Агрессивный вид, возможно потому, что глаза посажены слишком близко.

– Вы... не из сыскного агентства?

Запоминающийся голос. Не то чтобы заикается, но какой-то неясный выговор, точно рот полон слюны. А может быть, и в самом деле? Тот голос, который по телефону от имени женщины попросил заняться розыском. Человек продолжал улыбаться, но сразу же вызвать у меня ответную улыбку ему не удалось. Было тут и замешательство, было – и это главное – досадное чувство поражения.

Откровенно говоря, я почти не надеялся встретиться с этим человеком. Может быть, потому, что напрасно простоял прошлой ночью, лишь ооченел, ничего не дождавшись. Мне начало даже казаться, что вряд ли этот человек действительно брат женщины, больше того, я стал сомневаться вообще в его существовании. Нанять человека, чтобы он вместо тебя позвонил по телефону, – проще простого. И если допустить, что брат действительно существует, положение от этого не меняется. Он тоже человек-невидимка, и в этом нисколько не уступает *ему*, пропавшему без вести, и вынужден прибегнуть к этому детскому притворству только потому, что совершил нечто постыдное. Отрепетированный спектакль, заставляющий подозревать соучастие в преступлении. Так думал я, уже готовый чуть ли не махнуть на все рукой. В общем, все разыгрывается как по нотам: меня незаметно втягивают в нечто пахнущее преступлением.

Да, но ведь есть еще и этот спичечный коробок. Вне всякой связи с кафе «Камелия» в самом коробке, я чувствовал, есть для меня что-то непонятное. В этом истертом коробке лежали два вида спичек с разными головками.

Спички с белой головкой и спички с черной головкой.

Опасное предчувствие: если переусердствуешь в подозрениях, хочешь не хочешь, начнешь ощупью продвигаться вперед по сплошному белому пятну карты. Но я не должен поступать опрометчиво, чтобы не дать этому человеку почувствовать свои колебания. Это-то я понимал. Расходы оплачиваются в первую очередь с целью защиты интересов клиента, а выяснение истины – дело второстепенное.

Я махнул на все рукой. Действительно махнул, и было бы лишним говорить мне о том, чтобы я спокойно реагировал на этого человека, появившегося сразу после того, как я с похмелья влил в себя изрядное количество кофе.

Я еще не успел ответить, а молодой человек уже наседа, указывая подбородком на кафе.

– Какой-нибудь урожай собрали? Вот случайность так случайность... ну ничего, я думаю, мы найдем с вами общий язык.

– Случайность? – спросил я произвольно тоном допроса.

– Действительно случайность. – Он повернулся так, что почти касался моей машины. – Я ведь и в самом деле за вами по пятам не хожу. Иначе мы поменялись бы ролями.

– А как вы меня узнали?

Собеседник на миг бросил взгляд на мои ботинки и, точно потешаясь:

– Ведь вы-то меня сразу узнали, верно? Тот же случай.

Узнал, по его необычному голосу. К тому же слишком явно подстроенное совпадение места и времени. Есть ли у этого самозваного брата что-нибудь общее с сестрой? Маленькая в сравнении с широкими плечами головка. И эти плечи тоже, видимо, появились благодаря

портняжному искусству и вате. Глухой голос, точно воспалились голосовые связки. Холодная кожа, наводящая на мысль, что человек он ловкий и оборотистый. Сказать, что совсем не похож на сестру, нельзя, но ведь все люди более или менее похожи друг на друга. Лицо с застывшей враждебностью, которому абсолютно чужда улыбка. Сухой взгляд человека, ни разу в жизни не видевшего сны, не мечтавшего. Ко всему еще отвратительная манера употреблять высокопарные выражения, что совершенно не соответствовало его виду: во всяком случае, он создавал вокруг себя совсем другую атмосферу, чем его сестра. Но все-таки он по-прежнему доверенное лицо клиентки, и мне незачем ссориться с ним. Однако какая же это колоссальная ошибка – считать, что подачкой в тридцать тысяч иен можно купить и привязанность человека тоже...

– Вчера вечером я, естественно, рассчитывал, что мне удастся встретиться и с вами, но представьте себе мое недоумение, когда оказалось, что разыскивать, собственно, мне придется двоих.

Мужчина, поглаживая рукой в перчатке металлический зажим дворника, снова заглянул мне в лицо:

– У вас очень густая борода. Даже завидно. А у меня борода совсем не растет – реденькая. Может, виноваты гормоны?

– Мне было очень трудно с ней... она вам сестра?.. Упорно стоит на своем: ничего, мол, не знаю, никаких подозрений нет... а как коснешься какого-нибудь важного вопроса, говорит, что все знает брат... ну а где же брат?.. опять не знает... и единственное, на что она еще способна, – сидеть в одиночестве и пить пиво. Похоже, она просто не хочет, чтобы разгадали причину исчезновения ее мужа...

– Да, у вас голова работает. Все верно. Хотя, в общем, еще рано говорить, что все удастся выяснить.

Мой собеседник, сохраняя улыбку в уголках губ, расстегивает на пальто две верхние пуговицы и, откинув белый шарф, отворачивает лацкан пиджака. Значок величиной с ноготь большого пальца, в форме правильного треугольника с закругленными углами, покрытый голубой эмалью с серебряным ободком. В середине – выпуклая серебряная буква S. Причем буква необычной формы – одна ломаная линия, на первый взгляд напоминает молнию. А может быть, и в самом деле это не S, а молния?

К сожалению, я еще никогда не видел такого значка, но сразу же понял, что он показал его специально, рассчитывая запугать меня. Понял, но не подал виду.

– Надеюсь, знаете, что это за значок? – Мой собеседник быстро запахнул пальто. – Мне бы не хотелось, чтобы у вас создалось предвзятое мнение. Муж сестры по-настоящему порядочный человек... И знаете, как бы это лучше сказать, он вовсе не бродяга какой-то. Вы должны именно это как следует уяснить...

– Мне бы как раз и хотелось, чтобы вы, ничего не утаивая, рассказали обо всем, что могло бы помочь розыскам.

– Утаивать? Ну это вы зря. – Снова короткий, скрипучий смешок. – Это уж сестра, наверно, опять все ужасно преувеличила.

– Но ведь если бы это не был запланированный уход из дома, *ему* не удалось бы исчезнуть, не оставив ни малейших следов.

– Может быть, действительно запланированный... – Мужчина резко понизил голос, потупился и, постукивая носком ботинка по крышке: – В этом мы с сестрой несколько расходимся, что ни говорите – женщина. Для нее невыносима мысль, что ее вышвырнули, точно рваную тряпку. Ей хочется видеть совсем другую причину. Женщина. Что-нибудь совершенно необъяснимое, похожее на сказку... но, посудите сами, как можно объяснить необъяснимое?... и вот она обращается к вам, хотя чувства ее я понимаю...

– Бывают случаи потери памяти. Что вы об этом думаете?

Мужчина с безразличным видом еще раз пнул крышку и, точно оценивая машину, стал обходить ее кругом.

– Да... об этом я тоже думал. Даже советовался с врачом. Судя по тому, что сказал врач...

– Может быть, вернемся снова в «Камелию» и выпьем кофе?

– Зачем?

– Как «зачем»? Просто я порядком продрог.

– Ах вот оно что. – И, пробираясь боком в узкую щель между машиной и оградой и медленно подходя ко мне: – Видите ли, я страдаю сильными головокружениями... а у вас что, там еще дела какие-нибудь остались?

– Нет, это был пустой номер.

– Так вот этот врач говорил, – он вытягивает вперед обе руки и делает у самой моей груди движения, будто разминает невидимую глину, – действительно существует два вида потери памяти... один из них – исчезновение из памяти того, что имело место в прошлом, а то, что происходит в настоящем, ну как бы это сказать?..

– Не теряется способность рассуждать...

Может быть, из-за того, что я, слишком внимательно слушая, подался к нему, я вдруг почувствовал сильный запах из его рта и невольно сделал шаг назад, а мой собеседник чуть склонился, заглядывая в машину.

– Да-да... способность рассуждать... ну а еще один вид – нарушение и этой способности рассуждать... в конце концов человек превращается в кретина. Поэтому в первом случае он, как бы став новым человеком, может жить среди незнакомых ему людей. Обычно через два-три месяца память восстанавливается. Проблема возникает в том случае, если человек в результате этой болезни становится полным кретином. Но такие люди сразу же берутся полицией под наблюдение... сверят по картотеке покинувших дом лиц, о которых сделано заявление, и тут же обнаружат, верно? Ну а тот человек и водительские права, и вообще все документы, в отличие от нас, простых смертных, всегда носил с собой...

– Выходит, что вы тоже придерживаетесь версии запланированного исчезновения?

– Трудно сказать. Не ребенок вроде бы – уходить из дому без всякой причины, это, знаете ли...

– Если побег тщательно подготовлен, тогда действительно никаких следов не остается. Но, судя по тому, что мне удалось узнать вчера вечером, есть еще кое-какие неясности... посудите сами, телефонная книжка со специальным устройством для открывания на нужной букве, она у вас, да?

Я надеялся застигнуть его врасплох, но он и бровью не повел.

– А, вот вы о чем. Ну, таких вещей сколько угодно. Дневник, например, визитные карточки, лежавшие в его столе... – С рассеянным видом он смотрит в небо, и тогда вздуваются, зажав кадык, хорошо развитые мускулы, как на шее жареной целиком птицы. – Но, знаете, с тех пор прошло уже больше полугода. И все это время я не сидел сложа руки. Хватается за все без разбора, наверно, потому, что бестолковый, думаете вы, но... я потратил на это много времени и денег... ладно, если понадобится, я вам когда-нибудь все объясню. Но, по совести говоря, я не хочу, чтобы на эти вещи вы попусту тратили время. Просьба моя – это результат серьезного анализа всех моих неудач. Так вот, не могу ли я просить вас снова все взвесить как следует, заново все пересмотреть.

– К чему вы мне это говорите? Одна фотография, один спичечный коробок – это все равно что искать улицу, не имеющую названия.

– Я бы этого не сказал. – Сняв перчатку, он с силой стал тереть глаз, пыль в него, что ли, попала. – Я тоже прекрасно знаю, что ходить в это кафе – пустая трата времени. Но вот что интересно, размышляя о том, что это за кафе, куда вы собирались пойти на разведку, я вдруг подумал: а что, если тот самый спичечный коробок, ради которого вы туда пошли, на самом

деле куплен не в этом кафе, а, к примеру, здесь, на стоянке?.. Мне это кажется вполне вероятным. Так вот, человек этот весьма ловкий и искусный, что касается машин, он был первоклассным автомехаником, имел даже диплом... благодаря своей ловкости он раздобыл где-нибудь почти даром старую развалину, привел ее в порядок и ездит на ней, занимаясь ремонтом автомашин – прекрасное занятие. Ну как, разве это не может служить хоть малюсенькой зацепкой? И эту стоянку он сделал, причем совершенно случайно, местом заключения сделок...

– Вот я и хочу, чтобы такие сведения вы мне сообщили. – Я сразу же вспомнил, что на полке рядом с лимонной шторой, среди самых различных книг, большую часть которых составляли специальные, действительно были книги по ремонту автомобилей, а прибавив сюда висевший рядом с Пикассо мотор в разрезе, на котором были красные надписи, должен был признать, что проявил некоторую невнимательность. – Ведь то, что *он* имеет диплом автомеханика, чрезвычайно важная деталь. Расположение родинки, след от операции аппендицита или его отсутствие – приметы бывают не только такие. И поскольку мне своевременно не рассказали всего этого, я оказался в весьма затруднительном положении.

– Вы правы, это никуда не годится. – Он рассмеялся, оттопырив тонкие губы и резко ткнув меня пальцем в бок. – Моя сестрица, наверно, спутала вас, агента, с закуской к пиву, а?

– Ну и каков же результат?

– Ничего не вышло... – Повернувшись в сторону сторожки, мужчина высунул кончик языка с белым налетом и сплюнул. Плевок, описав крутую дугу, упал на крышу соседней машины. – Старик-сторож всего полгода служит здесь, никого другого больше нет. Я пытался поговорить с ним, но он неожиданно оказался крепким орешком, никак не поддается. Своими гноющимися красными глазками он так и шныряет по сторонам. Мол, все в порядке, что вы от меня хотите. А в общем-то, желательно на все это взглянуть по-новому. Ведь тогда может проясниться и то, что раньше и в голову не приходило.

Видимо, направление ветра вдруг переменялось – из переулка вынесся клуб пыли и, увлекая за собой песок, завертелся, заплясал между машинами. Откуда-то доносятся звуки музыкальной шкатулки... или нет, эту мелодию издает, скорее всего, подметальная машина... неожиданно мужчина плотнее замотал шарф, лицо его недовольно сморщилось.

– Фу, как противно.

– Пыль?

– Так сплелись вместе эта пыль и музыка – противно. Если вы не возражаете, может быть, действительно пойдём в кафе и немножко посидим?

Раздраженный голос. На этот раз приглашение исходило от него, и я наконец почувствовал, что могу как будто, пусть и не совсем четко, оценить свое положение.

– Из всех его вещей, которые у вас хранятся, мне хотелось бы в первую очередь и как можно быстрее просмотреть дневник.

– Дневник?.. пожалуйста... хотя его трудно назвать дневником... вас он разочарует, если вы думаете, что это дневник, но... – И, делая шаг вперед, точно стараясь возбудить мой интерес: – Я хотел спросить вас о другом... это, правда, касается сестры... как вы думаете, какая она, по-вашему, женщина?.. мне бы хотелось, чтобы вы откровенно высказали свое мнение...

В конце концов я оказался зажатым между машинами, где мог пройти лишь один человек. И если б мне нужно было пройти, мы неизбежно бы столкнулись. Но я не собирался идти, и мой собеседник, сделав еще шаг, застыл в весьма неестественной позе.

– Хочу, чтобы вы обязательно сказали. Отвлекаясь от того, что это ваша работа, просто как мужчина... Хотя я и болтаю о чем ни попало, но встретился сегодня с вами прежде всего потому, что хотел спросить именно об этом.

– А разве встреча не была случайной?

Перед металлической оградой громко проезжает стальной ящик, похожий на броневик без амбразур, из которого раздаётся приятная мелодия.

– Да, случайной, конечно. – Застывшая улыбка свела лицо. – Действительно, голова у вас работает. Кажется, на вас можно спокойно положиться...

– Когда я смогу получить дневник?

В брошенном на меня взгляде на миг притаилась острая ненависть. Он отступает на шаг и дает мне дорогу. Поняв, что я не собираюсь идти вместе с ним, он, точно покорившись, понуро опускает плечи, позволяя цели рассеяться и, казалось, теряя ко всему интерес.

– Когда угодно... завтра... ну, до полудня занесу сестре.

Сестра – женщина... это уже не слова – острая игла, вырвавшаяся сквозь щель в той самой лимонной шторе... пронзенный ею, я, как насекомое, оказался приколотым к невидимой стене... клочок бумаги, прикрепленный к краю шторы... что же все-таки происходит?... я снова забываю лицо женщины... все еще широкие, как стена, хотя он и ссутулился, плечи уходящего мужчины... не хватает только черной дыры в выложенной мозаикой стене...

Тот же день. 11 часов 5 минут. Посещаю торговую фирму «Дайнэн». Мне сообщают, что в то утро он обещал передать документы одному из своих подчиненных. Чтобы еще детальнее выяснить их содержание, попросил разрешения встретиться с ответственным сотрудником, ведающим вопросами развития торговли.

...Действительно, с тех пор и в самом деле прошло уже полгода... пепельница из Кутани в виде хибати², на которой выведена золотом вычурная надпись: «Торговая фирма Дайнэн», видимо, осталась от заказанных для летних подарков в прошлом году. На четырех выступающих углах пепельницы прикреплены за спины так, что они висят в воздухе, ярко раскрашенные фарфоровые кошки, приносящие счастье. Они улыбаются, слегка обнажив зубы. Директор фирмы не иначе как выходец из деревни, где он и сколотил капитал. Предприятие его, похоже, катится как по рельсам, и хотя контора находится на третьем этаже старого безвкусного здания, да к тому же половину этажа занимают мансарды, но в приемной стены обшиты деревянными панелями и стоят стулья, столы и другая мебель на ножках из нержавеющей стали, так что с первого взгляда ясно, как много денег это потребовало. Три стены, исключая ту, где окно, завешаны огромным, начерченным от руки планом, на котором пригороды разделены на три района: север, северо-запад и запад. Закрашенный тремя красками: красной, синей и зеленой, этот сложный план, испещренный переплетающимися линиями, кое-где – неровной сеткой, напоминал предельно выразительный анатомический атлас; план был утыкан кремowymi треугольными флажками на булавах; казалось, что в этом зажатом с двух сторон линией электрички и окружной автостреды, возвышающемся на улице, подобно огромному сугробу, здании, на первом этаже которого помещался магазин велосипедов, а на втором – залы для игры в маджан³, где-то четко и решительно пульсирует печень и бьется сердце, всасывая чеки и деньги и выплевывая их... Да, полгода, жаркое лето было еще в самом разгаре... Этот управляющий, бывший *его*, исчезнувшего, непосредственным начальником, оттого ли, что слишком натоплено, покрылся потом, будто его обсыпали слюдой. Поглаживая свою голову с благородными залысинами, он откидывается на спинку стула, обтянутую черной кожей, всем своим видом показывая, что хоть сейчас готов позабавиться. Действительно, может быть, он и правда такой – зная, что против него не будет выдвинуто обвинение, он и не проявляет интереса к превратностям судьбы другого. Ведь нет более естественного доказательства невиновности, чем желание наблюдать несчастье другого человека. Я тоже подлаживаюсь под его настроение и бросаю непринужденно... Больше никаких новых сведений нет? Хотя бы каких-то предположений, о

² *Хибати* – жаровня в японском доме, служащая для подогревания пищи и обогрева комнаты. *Кутани* – район, где производятся фарфоровые изделия.

³ *Маджан* (маджонг) – китайская игра в кости.

которых вдруг вспомнили... Нет-нет, ну что вы, я с вами совершенно откровенен... Он протестующе замахал мясистой рукой... Да, честно говоря, сейчас уже можно сказать. Так вот, сразу же после того, как это случилось, меня тоже охватили сомнения, мрачные предчувствия. Я даже какое-то время был готов к тому, что собака, которую я кормил, укусит меня... Но она вас не укусила... Да-да, на мне не оказалось ни одной отметины от ее зубов... Значит, на самом деле никакого ущерба вам не причинили. Ну а не могло ли так случиться, чтобы вы понесли ущерб?... Видите ли, я бы не сказал, что не могло. Дело в том, что Нэмуру был поручен достаточно обширный рынок. Он был прекрасно осведомлен о состоянии дел, и если бы захотел использовать во зло свое положение... Следовательно, из ваших слов можно заключить, что он уже совершал какие-то поступки, заставлявшие вас испытывать подобные сомнения?... Ничего подобного. Что это, пожар?... Нет, это сирена «скорой помощи»... Так вот, Нэмуру действительно, как бы это лучше выразиться, принадлежал к типу людей, преданных работе, неспособных на ложь. Когда человек с хорошо подвешенным языком занимается торговлей, борясь со своими конкурентами, он, как любой ловкий человек, превращается в пройдоху с черной душой, готового кому угодно глотку перегрызть. Но Нэмуру был не таким. Из-за честности, подчас неумной, или по какой-то другой причине это была редкая натура – его бумажник можно было спокойно использовать вместо сейфа... А по характеру своему он был человеком малодушным?... Малодушным, да нет, я бы, пожалуй, не назвал его малодушным... Ну а если коротко, в двух словах... Если в двух словах, он был скорее твердым, хотя и не принадлежал к тому сорту людей, кто прибегает к эффектным приемам – одним ударом достигает цели, – но зато, как разозленная жаба, будь что будет, он, начиная действовать, становился непреклонным – ни за что, мол, не отступлю... Может быть, каким-то образом он и навлек на себя чью-нибудь ненависть?... Ненависть? Ну, как вы понимаете, когда барсука продаешь за лисицу, нет ничего странного, если тебя и начнут ненавидеть. Но ему и самому такое не нравилось: он считал, что так делать дела не годится... А что, если Нэмуру ухватился вдруг за ниточку какого-то преступления и эти люди?... Вот оно что, значит, есть предположение, что он либо сам исчез, либо его убрали. Да что там говорить, такая уж у вас работа: без стеснения подсматривать за интимной жизнью людей – встречались, наверно, интересные случаи, а?... Самые разные... Это верно, любой человек отправляет нужду... Простите, мне бы хотелось вот еще о чем спросить: Нэмуру-сан никак не выказывал, что он недоволен своей работой?... Ну что вы, такого и быть не могло. Иначе разве мы перевели бы Нэмуру всего лишь за месяц до исчезновения из заведующих торговой секцией в начальники отдела?... Да, я об этом уже слышал... Наша фирма, как вы сами сейчас в этом убедились, совершенно не стремится пускать пыль в глаза. Но судить о ней только, так сказать, по внешнему виду несколько затруднительно. По характеру нашей деятельности мы сосредоточиваем свою работу на пригородах. Когда город разрастается, то, естественно, возрастает и продажа пропана, но, как только рост города достигает определенного уровня и туда доводят магистрали городской газовой сети, первый акт заканчивается. Тогда мы обращаем взор на другой перспективный район – звучит труба, зовущая в поход на завоевание нового рынка. Мы носимся по учреждениям и канцеляриям, собираем информацию, обхаживаем мелких торговцев – в общем, на всех фронтах ведем генеральное сражение. И благодаря тому, что город стремительно развивается, бывает, что посеянные семена сразу же дают всходы, но бывает, тут же засыхают. Весь год неустанная война нервов, нам не нужны работники, прохлаждающиеся за письменным столом. Для фирмы лучше, когда в конторе тихо и пусто. Доказательства? Пожалуйста: в деловом мире по результатам деятельности мы занимаем шестое место, пользуемся широким кредитом в банках – короче, фирма вполне благонадежная... Я все прекрасно понял, но мне хотелось бы узнать о тех самых документах... Документах?... Ну да, о документах, которые Нэмуру-сан в то утро должен был передать на станции S. одному из ваших молодых сотрудников... Уж не Тасиро ли? Должно быть, он. Давайте вызовем его и спросим...

Не успев еще закрыть рот, управляющий вскочил со стула и стал рукой толкать неподдающуюся обитую пластиком дверь; наконец пнул ее ногой и в узкую щель прокричал в мудрено разгороженную пропыленную контору: Тасиро-кун, Тасиро-кун, будь добр, на минутку!.. Он смахнул ладонью выступивший на лице пот, вытер руку о брюки и повернул ко мне открытое, улыбающееся лицо – мол, можете во всем мне доверять... Он как раз здесь. Многообещающий молодой человек, и вы можете обо всем спрашивать у него без стеснения...

Робко появившийся вскоре многообещающий молодой служащий явно проигрывал рядом с управляющим – он оказался тщедушным маленьким человечком с плохим цветом лица, с непроницаемыми глазами, спрятанными за толстыми стеклами очков, в чересчур широких брюках и в ботинках на резине. И то, что он не выказал никакого смущения, когда управляющий представил меня, объяснялось, видимо, не его спокойствием, а скорее непроницаемым выражением лица, которое сразу же озадачило меня. Он сел на тот же диван, на котором сидел я, на самый краешек, рядом с дверью, и, беспрерывно поправляя сползавшие вниз очки, отвечал громко, чуть в нос, но, как ни странно, без запинки.

...Нет, не знаю. Думаю, что он назначил встречу на станции S., чтобы не заходить в контору и не терять напрасно времени, поскольку ему нужно было попасть еще в одно место. Вот и все. А документы были очень срочные... И каково их содержание, вы не представляете?.. Не имею ни малейшего представления... Но кому они были адресованы, вы, наверно, знали?.. Нет, было решено, что, когда я буду получать документы, сведения об адресате мне передадут вместе с планом... Никаких предположений не возникало у вас, хотя бы самых общих? Исходя из характера работы в то время, положения дел... Конечно, в те дни все об этом только и говорили, и мне в голову приходили самые разные мысли, но...

...Может быть, вы, господин управляющий? – быстро переменял я направление. Занимаемое вами положение позволяет делать общие выводы. Возможно, у вас есть какие-либо предположения, иные, чем у Тасиро-куна?.. Нет-нет, – он закуривает сигарету и, не меняя позы, отмахивает лезущий в глаза дым, – видите ли, я твердо убежден, что главное в обращении с подчиненными – не вмешиваться по пустякам в их дела. Доклад должен быть лишь в виде выводов. И если выводы дельные – прекрасно. Я всегда на этом настаиваю. Не правда ли, Тасиро-кун?

...И все же – я задерживаю взгляд на кошках, приделанных к пепельнице, – нельзя, видимо, не признать, что эти документы носили, по всей вероятности, конфиденциальный характер – почему не играет роли... Почему? – первым реагировал управляющий... Видите ли, если б это были ничего не значащие документы, их можно было бы послать по почте... Но разве я вам не говорил – просто чтобы помочь Нэмуру, в деревню сразу же отправился молодой сотрудник – вопрос времени. Туда же срочное письмо приходит лишь на следующий день... Да, но по телефону связаться еще быстрее. Так что, я думаю, здесь, видимо, не только вопрос времени... Это верно, тем не менее по телефону можно лишь обменяться словами, а в данном случае нужно было передать что-то, скрепленное печатью, получить обратно что-то, скрепленное печатью...

До чего же ловок, пройдоха. Повернувшись на девяносто градусов, открыто смотрит прямо в глаза собеседнику. И лишь стул слегка поскрипывает под ним, но взгляд злой, и сидит он выпрямившись, напряженно.

...Ах вот в чем дело. Видимо, все было действительно так, как вы говорите. В таком случае подробности меня не интересуют, нельзя ли указать на плане место, где была намечена в то утро встреча? Молодой служащий слегка кивнул, молча поклонился одному лишь управляющему и, стараясь ступать как можно тише даже в своих бесшумных ботинках, выскользнул из комнаты. Оставшаяся от него на диване вмятина медленно исчезает. Ужасно грязное окно, отделяющее кабинет от необычайно грязного неба. Красноватый свет, не дающий никакой тени. Неожиданно управляющий нацеливается сигаретой на одну из кошек и, гася ее о мор-

дочку, хихикает... Очень жаль, а я так надеялся, что профессиональный детектив что-нибудь из него вытянет. Умный вроде парень, хотя по виду и не скажешь... А почему вы, господин управляющий, принимаете это так близко к сердцу? – спрашиваю я... Ничего подобного. Просто вы позволили нашему служащему невесте что возмнить о себе. Но в общем все хорошо, благодаря вам у меня наконец камень свалился с сердца. Теперь вот о чем. Жена Нэмуру в конце концов наняла вас. И это вы воспринимаете как доказательство, что она сама абсолютно не знает, куда исчез муж. Хорошо, хорошо. И все же те, кто в курсе дела, никак не могут с этим согласиться. Это было бы весьма печально, но представьте себе – вдруг Нэмуру сговорился с женой и только от меня скрывает, куда он исчез, – где-то у меня гнездится такое подозрение... У вас есть на это и конкретные основания?.. Не подгоняйте, это сбивает меня с мысли. Так вот, не будет ничего удивительного, если все неожиданно окажется простым недоразумением. При этом, должен сказать, он по своему характеру работяга, хотя внешне и не выглядит таким. Потом вот еще что. – Управляющий глубоко вздыхает и сплетает на животе пальцы, кисти у него совершенно одинаковые в длину и в ширину. – Неужели же он действительно сбежал, бросив все, даже семью? Этот Нэмуру – странный тип, никогда он не казался таким уж храбрецом... Храбрецом?.. Ну да. Хотя я и знаю, что очиститься от скверны, как это сделал он, я бы не смог. Ни за что не смог бы сделать такое. И если меня насильно не сгонят с этого места, я буду цепляться за него до самой смерти. Человек ест, справляет нужду, и ему плохо, когда его сдвигают с места, которое его кормит. Да и справлять нужду лучше всего на одном и том же месте – тогда желудок лучше работает...

...Кто-то следует за мной. Я продолжаю идти как ни в чем не бывало.

Выйдя из фирмы «Дайнэн», я прошел квартала два к югу, вниз по улице, по которой ходят автобусы, повернул направо, на улицу, круто поднимающуюся вверх, и очутился у не огражденного шлагбаумом переезда через линию железной дороги. Улица, идущая вдоль железной дороги, – единственное место, где разрешалась стоянка. От переезда и до угла следующей большой улицы почти вплотную в ряд стоят автомашины. Может быть, потому, что весь этот район набит мелкими заводами, почти все машины – небольшие грузовички. Каждый раз, когда проносится электричка, в воздух, видимо, поднимается металлическая пыль с рельсов – вся улица кажется покрытой слоем ржавчины.

Моя машина стоит в конце улицы. Обернулся – следовавший за мной человек исчез. Но беспокоиться нечего – он обязательно появится снова. Сев в машину, поудобнее устраиваюсь на сиденье, на папку, лежащую на коленях, кладу два бланка для донесений, проложенные копиркой, и закуриваю. Приводить в порядок записи в таком месте стало привычкой. С этим нужно освоиться, так же как с искусством сбора сведений или слежки. Но, кроме нескольких установленных правилами строк, не удастся записать ни одной фразы, за исключением жалких слов «безрезультатно», доказывающих мое алиби... к счастью, у меня в кармане листок бумаги с планом, напоминающим схему водопроводных магистралей, где отмечено место встречи у станции S., который по моей просьбе начертил молодой служащий Тасиро, и поэтому у меня есть чем заполнить донесение... никогда не ощущаешь свою бездарность острее, чем в такие минуты. Нет, я, наверное, действительно бездарен. Доказал ли я хоть однажды, что не бездарен? Со временем, когда набьешь руку и уже можешь хоть на тридцать строк развести свое «безрезультатно» – или просто в какое-то мгновение поддаешься такой иллюзии, – становишься в вызывающую позу: особая одаренность, в общем-то, и ни к чему, о ней можно просто забыть.

Отрываю клейкую ленту и приклеиваю листок с планом к левому углу бланка для донесений.

Показался и долго грохотал на стыках, прогибая рельсы, переваливший, видимо, через горы и весь засыпанный снегом бесконечный товарный состав. В углу автомобильного зеркала

снова появилась фигура моего преследователя, как я и ожидал – тот самый молодой человек, Тасиро. Неожиданно он пропадает из поля зрения, но тут же собственной персоной оказывается у окна. Сделав пальцем знак, что перейдет сейчас на другую сторону, он обходит машину, открывает переднюю дверцу, и ворвавшийся упругий поток воздуха, уплотненный поездом, издает звук, точно разбилось стекло, и беспорядочно разбрасывает покоившиеся на моих коленях бланки для донесений. От пальто молодого человека, севшего в машину, в нос ударяет запах нафталина. И те несколько минут, а может быть, несколько десятков секунд, пока шел поезд, зрачки этого человека за стеклами очков все уменьшались, голова его все глубже втягивалась в воротник пальто и вся его жалкая фигурка, будто тонкая металлическая пластинка, начала резонировать в такт грохоту поезда. О чем хочет насплетничать этот человек? Еще хорошо, если насплетничать, а вдруг он пришел, чтобы своими рассказами заморочить мне голову? Многообещающий молодой сотрудник... правда, если послушать управляющего, он, исчезнувший, был действительно человеком, какого встретишь не часто.

Наконец поезд прошел. Оставив шум, словно в ухо залетела мошка.

– Какая противная погода.

И точно эти слова привели в движение киноленту, он ослабил напряжение, сковывавшее его колени, и слегка повернулся ко мне. Когда я щелчком выбросил свою сигарету в приоткрытое окно, он, точно сменив меня, зажал в зубах сигарету и закурил, непрерывно поправляя сползавшие вниз очки.

– Простите... Видите ли, я вам раньше сказал неправду... простите... и необходимости в этом, в общем-то, не было...

– Наверно, чтобы не рассердить управляющего?

– Возможно... хотя нет, думаю, что по другой причине. Управляющему ведь об этом должно быть точно известно... и все-таки даже управляющий почему-то не говорит правду и делает вид, что ничего не знает... а у меня в душе остался неприятный осадок, укор совести, что ли... будто я в сговоре с ним и предал начальника отдела Нэмуру...

– Не принимайте близко к сердцу. Если то, что вы хотите сообщить, принесет пользу Нэмуру, – прекрасно.

– Нет, никакой пользы не принесет. Я с самого начала знал, что мое сообщение окажется бесполезным. Иначе я бы ни за что не решился сказать неправду. Что бы я ни сообщил вам, все равно это окажется напрасным.

– Напрасным или нет – это уж разрешите мне судить.

– Речь идет об адресате, которому нужно было доставить те самые документы...

– Вы знали?

– Начальник отдела... – Он извлек из внутреннего кармана визитную карточку и театральным жестом помахал ею. – Я услышал и записал для памяти – он звонил по телефону, что доставит какие-то документы. Дня за два до того, как это случилось...

– Вот оно что, член муниципалитета... но что-то я об этом городке почти ничего не слышал.

– Он образован совсем недавно путем слияния нескольких деревень. Я ездил туда, но напрасно... как видите, и мы не сидели сложа руки...

Фраза, которую я уже слышал. Да это фраза брата, сказанная им на автомобильной стоянке... внезапно меня охватило невыносимое раздражение.

– Послушайте, ну а почему на этот раз вы наконец решились чистосердечно обо всем рассказать?

– В каком смысле?

Если бы я знал, в каком смысле, то стал бы я его здесь расспрашивать! Презрительно глядя на скованную, будто накрахмаленную фигуру своего собеседника, включая радио. Капризный, полудетский голос под аккомпанемент гитары поет:

Больше ничего,
Больше ничего,
Только тебя я вижу во сне,
Больше ничего.

Тасиро, этот молодой человек, глубоко вздохнул, расправив плечи, вытер ладонью запотевшее стекло машины и действительно приготовился что-то сказать. Прямо впереди на дороге стеной вставало пропитанное водой, готовое разразиться дождем небо. Тесная машина, в которой невозможно отгородиться от сидящего рядом, сколько ни отодвигайся... кажется, что стук сердца собеседника слышится из твоей собственной груди... я тоже молча, зло продолжаю ждать...

– Ладно, скажу. – Он поднимает палец в воздух, выпрямляется, будто для того, чтобы посмотреть вдаль. – Выключите, пожалуйста, радио.

– Верно, лучше сказать. Такая уж у меня профессия – человеку, который сообщает мне те или иные сведения, абсолютно никакие неприятности не грозят...

Пронесются встречные электрички, точно стальными хлыстами полосую мою машину. Испуганно взвизгнув, замолкает выключенное радио, вызывая в памяти бормашину. Примерно полмесяца назад у меня вырвали коренной зуб. Еще и сейчас, если я с силой втягиваю воздух, во рту ощущается вкус крови.

– Да, скажу. Действительно, нельзя утверждать, что я был до конца чистосердечен... и не потому, что не хотел помочь вам. Нет, не потому... видите ли, в результате исчезновения моего начальника отдела я тоже оказался одним из пострадавших... и ужас-то какой. Ночью, один, представишь себе все, что случилось, – оторопь берет. Исчез, как дуновение ветра... и мне было трудно говорить об этом... просто было неприятно запятнать репутацию этого человека...

– Сохранение тайны – мой профессиональный долг.

– По правде говоря, человек этот... был с двойным дном... он имел странное пристрастие... очень увлекался фотографией... не просто фотографией, а ню...

– Собирал их?

– Нет, фотографировал. Часто ходил и в студии. Но знал об этом, пожалуй, только я. Потому что случайно познакомил его со своим товарищем, который держал фотолабораторию.

– Не было похоже, что у него есть какая-то определенная натурщица?

– Ну... не знаю, можно ли сказать «определенная»?.. – Наконец язык у него развязался, и весь он, вплоть до выражения его лица, стал липким, как внутренность сопревших резиновых тапочек. – Вроде была одна девушка, которая ему особенно нравилась...

– Имя или еще что-нибудь о ней вы знаете?

– Где находится студия – знаю. Поскольку я имел к этому отношение, могу, если хотите, показать и фотографии. Правда, фотографии любительские, но именно потому, что любительские, они как раз и производят потрясающее впечатление. Постоянные заказчики очень радуются, получая именно такие снимки.

– Так мы можем в эту студию прямо сейчас заехать.

– К сожалению, это невозможно. Я еле с работы удрал, отговорившись, что иду обедать... но только вы не подумайте, что мой начальник сбежал с этой девицей... он просто не мог бы совершить такой поступок... да и вообще он никого не любил, замкнутый был – к примеру, пригласит в бар и сидит молчит минут десять, а то и двадцать – трудно бывало с ним...

Неожиданно раздался звук, будто в дверь ударили мокрой губкой. Я вытер стекло – на меня исподлобья смотрел готовый расплакаться мальчишка лет десяти в коротеньком пальто с огромной заплатой на левой доле. Я наполовину опустил стекло – чего тебе, мальчик? –

и он, уже совсем собравшись в панике убежать, показал пальцем под машину – туда, мол, закатился мячик. Ничего не поделаешь, нужно отъехать, верно? Если ты не против залезть под машину, то можно и не отъезжать. Ну давай, лезь... изморозь, какой давно уже не было, придала покрытой ржавчиной улице оттенок, будто ее полили нефтью. Наверно, и локти, и колени мальчика тоже намокнут и станут коричневыми. Выползший наконец из-под машины мальчишка, с мячом в руке, спрашивает: А сколько она дает километров в час?.. сто... ха, – дурашливо хмыкает он, перебегает через дорогу и идет вниз по улице. Я невольно рассмеялся. Не удержался от смеха и молодой человек. Мне почему-то сразу стало легче. С этим Тасиро хорошо бы со временем подружиться.

Поднял стекло, завел машину, включил отопление. Остывший мотор начал работать, тархтя, как плохой ударный инструмент.

– Вы пьете?

– Пару стаканчиков виски с содовой, охотно...

– Ладно, тогда завтра вечером в студии, где снимал ню Нэмура, я угощаю, идет? Так где мы встретимся и в котором часу?.. а что, если... нет, давайте завтра же и уточним по телефону...

* * *

Неряшливо одетый, круглый, точно шар, накачанный водой, шеф, за спиной которого висит огромная схема с фамилиями агентов – по вертикали, числами и днями недели – по горизонтали, сидит, развалившись, занимая собой все кресло. Если бы пальцы сложенных на животе рук беспрерывно не двигались, можно было бы подумать, что он безмятежно спит. Лоб прорежут глубокие морщины, он весь в прыщах, похожих на пупырышки огурца.

Оставаясь в прежнем полусонном состоянии, шеф чуть приоткрыл глаза, ехидно хмыкнул и хрипло пролаял, точь-в-точь как простуженная собака:

– Ты слишком серьезно к этому относишься.

– Разве я похож на человека, слишком серьезно относящегося к тому, что он делает?

– Хоть маленькая-то надежда есть?

– Нет.

– Я так и думал. Потому-то и не стоит слишком глубоко влезать в это дело.

– Да я просто злюсь.

– Будешь злиться, провалишь все дело.

– Во всяком случае, речь идет о единственной неделе. Не будут же они до бесконечности оплачивать расходы – как-никак тридцать тысяч иен в неделю. Миллионеры они, что ли?

– А она, кажется, неглупа и красавица, эта твоя заявительница?..

– К сожалению, под ногами все время путается один противный тип, вроде бы ее братец.

– Да, кстати, какие-то сведения есть в справочном отделе.

– Видел. Очень уж этот братец мне не по душе, и поэтому я просил проверить в домовых книгах.

– Ну и как?

– Как будто брат с таким именем у нее числится, это действительно подтверждается... но фотокарточки не оказалось, и поэтому у меня еще нет полной уверенности, что это не подставное лицо...

Раскаиваясь, что вдруг ни с того ни с сего разоткровенничался. Но теперь уж ничего не поделаешь. И тогда шарообразный шеф резко подался вперед, так что кресло жалобно закрипело, и беззастенчиво уставился на меня взглядом, жестким, как наждачная бумага:

– Подставное лицо... значит, она назвала своим братом подставное лицо – здорово... выходит, заявительница – продувная бестия.

– Да здесь можно предполагать что угодно...
– А что дало повод к подобным подозрениям?
– Правильнее было бы назвать это не поводом, а скорее незначительностью, неясностью повода...

– Повод более чем ясен, – неожиданно резко перебивает он, – исчезновение мужа заявительницы, разве нет?

– Это-то, конечно, правильно.

– Ты, наверно, знаешь – в нашей работе, когда речь идет о личных делах заявителя, лезть в них строжайше запрещено. Нечего совать нос в то, что не может быть записано в донесении. Кто не соблюдает этого условия, тому ничего не остается, как уйти и поменять профессию, хочешь – на монаха, хочешь – на шантажиста.

Я чуть было не проговорился о спичечном коробке. Единственном вещественном доказательстве, которое можно потрогать рукой, увидеть глазами. Единственная линза, позволяющая сконцентрировать в одной точке бесчисленные гипотезы и придать им реальные очертания. Среди несчетного числа планиметрических карт, имитирующих нечто сходное с действительностью, только то, что проецировалось на спичечном коробке, представляло собой объемную цветную фотографию. Если бы только удалось вырвать у этой женщины всего каких-то два, ну три слова... если бы только удалось... ну и что бы тогда?... я бы вволю посмеялся над собой, сам бы у себя выбил почву из-под ног. Мнение шефа я знал еще до того, как услышал его. Его подтвердила и проверка по домово́й книге личности брата. А может быть, и в самом деле шеф прав?

Сегодня утром на стоянке автомашин около кафе «Камелия» он – брат заявительницы – с поразительной предусмотрительностью помог мне избежать неприятностей. Он очень искусно обратил мое внимание на объявление, запрещающее въезд, которое я сам не заметил.

В самом деле, наш район охоты строго определен границами, указанными и санкционированными заявителем. Мотив, заставивший заявительницу решиться на расследование, как об этом ясно указано в заявлении, – *его* исчезновение, и поэтому, независимо от того, добьюсь я успеха или потерплю неудачу, я буду *его* искать и мне незачем спрашивать, почему я обязан искать. Пусть заявительница неохотно дает показания, пусть они будут противоречивыми – я не имею права отступить.

Это я прекрасно понимал. И шефу нечего было снова поучать меня. Даже в том случае, если заявитель использует нас, чтобы скрыть свое преступление, наша обязанность – быть ассенизаторами, и я не вправе отказываться от такой работы.

Например, достаточно ловкое объяснение случайной якобы встречи на стоянке автомашин, данное братом, позволило мне не потерять лицо, но в то же время в определенном смысле еще более усилило подозрения. Если *он* так хорошо разбирался в обслуживании и ремонте автомобилей, то не исключена возможность *его* связи с воровским синдикатом, специализирующимся на угоне автомашин (может быть, на эту мысль меня навела статья, которую я недавно прочел в газете, об аресте крупной воровской шайки).

Нет, должно быть, все гораздо проще. Хотя бы такой пример. Вполне возможно, что он выправлял вмятины и менял номерной знак на машине преступника, который сбил человека и скрылся, или кто-нибудь заставил его это сделать, а может быть, он сам этот преступник, сбивший человека и скрывшийся...

Благодаря *его* блестящему мастерству следы удалось запутать, но результат оказывается обратным, *он* приперт к стене... в конце концов положение *его* становится невыносимым, и *он* прячется... к тому же жена, заявительница, прекрасно понимая это, старается прикрыть побег, и, значит... значит, мне нечего лезть в это дело.

Лишь одно предчувствие не дает покоя... робкая надежда, которая ни за что не хочет покинуть меня... тот нежный лимонный свет в окне, когда я стоял на пронизывающем ветру, обратившись в мороженую рыбу, приковал меня и не отпускал. Я не мог отделаться от ощущения, что меня поманили и я вошел, игнорируя преграды... никаких оснований для такого ощущения не может, конечно, быть... но это беспокойство... проклятое подозрение: не совпадает ли преграда, воздвигнутая заявительницей, с той, что воздвигнута ее самозванным братом... фу, как противно... не могу заставить себя отделаться от мысли, что брат не тот человек, за кого себя выдает... потому-то я и хочу притаиться у щели в преграде, приняв стойку охотничьей собаки, чтобы иметь возможность выскочить в любую минуту.

Щель в преграде... спичечный коробок...

О кафе «Камелия» в моем донесении нет неправды. Нет неправды, и все логично. Не удалось найти ничего, что связывало бы «Камелию» с *ним*. Хотя это можно утверждать лишь в том случае, когда речь идет о внешнем виде коробка. А вот если заглянуть внутрь... головки разных цветов... двадцать шесть спичек с черной головкой и девять с белой... сколько ни успокаивай себя, сколько ни уговаривай – тревожный факт, не укладывающийся в созданную мной схему... разве нет? Ведь спички, которые мне дали сегодня утром в «Камелии», оказались с белыми головками, и, значит, те двадцать шесть с черными головками были вложены позже. Ну кто станет сейчас класть спички в рекламный спичечный коробок из кафе? Как цены ни поднимаются – спички и вода в любом кафе бесплатные.

Однако в моем донесении я прошел мимо этого факта. Потому что, поступи я иначе, мне бы пришлось перешагнуть запретную преграду, растоптать ее. Мне так хотелось сделать это, но я еще не мог решиться...

На то, что спички разноцветные, я обратил внимание в прошлый вечер. Когда наконец я оторвался от лимонного окна и влез в машину, отопление лишь загнало внутрь окованность, и меня колотила безудержная дрожь – я стал даже опасаться, смогу ли нормально вести машину. Постепенно кишачья людьми улица стала меня раздражать, и я решил оставить машину на стоянке у станции S.

Сворачиваю за угол по дорожке, идущей вдоль кинотеатра, – облупленные стены, выщербленный асфальт, темные укромные уголки – они точно ждут кого-то. Сюда доносится шум оживленной улицы, но тем не менее я замечаю мужчину, пристроившегося у столба, заклеенного объявлениями. Толкаю левую половинку большой двустворчатой двери, ничем не примечательной, ярко освещенной распивочной-автомата на следующем углу и вхожу внутрь. Может быть, такое время, но посетителей вдвое меньше, чем обычно, и поэтому кажется необычно тихо. У входа в одной из разменных касс меняю четыре стоиеновые монеты на десятиеновые. У противоположной стены выстроились в ряд восемь белых с красной каймой прямоугольных металлических ящиков, и, если бы не надписи, их легко можно было бы принять за бензиновые колонки. Пробравшись между маленькими столиками, расставленными параллельно в пять рядов, не теряя времени, останавливаюсь у свободного автомата, крайнего справа. Специфический возбуждающий запах... городская вонь, которая окутывает город, когда после десяти часов вечера пользование канализацией резко сокращается... в обрамленную латунью щель под красной стрелкой в правом верхнем углу автомата опускаю несколько десятиеновых монет... каждый раз раздается мелодичный звук, а после того, как опущена восьмая, зажигается красная лампочка... поставив под кран бумажный стаканчик, я поворачиваю вправо ручку из нержавеющей стали – выливается сто восемьдесят граммов желтоватой жидкости – подогретого дешевого сакэ. Чтобы не дать уйти теплу, обхватываю стакан обеими руками и сразу же залпом отпиваю треть. По пути к облюбованному столику в несколько глотков допиваю остальное.

У моего излюбленного столика уже стоял человек. Под застиранной темно-синей спецовкой яркий узорчатый шарф. Без пальто. Коренастый, плотный, под ногтями на руке, ухватив-

шей стакан, черный мазут – наверно, истопник из соседнего многоэтажного дома. Восьмичасовые посетители – почти все служащие, и мне смешаться с ними очень легко, а позже посетители уже совсем другие. Освобождая место, мой предшественник обернулся. В дырке от выпавшего зуба торчал кончик языка. Вроде бы уже здорово выпил. Центр тяжести у него все время перемещается – от пяток к носкам. Жаль, что в этом заведении нет стульев. Громко потягивая сакэ из бумажного стакана, внимательно следит, сколько у меня денег... Ха, вам тоже нравится это сакэ, удивительно. Потом, понизив голос: дайте в долг десятииеновую монетку. Я здесь частый гость, так что верну, не обману. Если не верите, могу и расписку написать. Одну монетку в десять иен – отдам обязательно...

В этом заведении, правда, не принято было обращаться к соседу. Да и все мое нутро было напряжено в каком-то ожидании. Но я, не возражая, быстро достал десятииеновую монету, и он тут же выхватил ее, даже не поблагодарив, и пошел на этот раз не к автомату, а к окошечку, где чем-то торговали.

На столиках в ряд стоят маленькие автоматы. Там можно купить что душа пожелает, начиная от арахиса, соленых бобов – без них не обойдешься, – кедровых орешков и сушеных мидий и кончая предсказаниями судьбы. Там же был автомат, продающий горячий тофу – соевый творог. Автомат этот, рекламировавшийся как единственный во всей стране и установленный только в этом заведении, был похож на игрушечного робота с оторванными руками и ногами. Обычно, гудя как пылесос, он собирал возле себя целую очередь, но в этот вечер, может быть, потому, что товар кончился, он стоял тихо, беззвучно. Сначала я купил десятииеновую порцию кедровых орешков. Они ссыпались мне в ладонь, и я разом отправил их в рот... да там всего-то было зерен двадцать. Когда я отпил до половины второй стакан, у меня неожиданно потекло из носа. Потом купил порцию китового мяса с соевым соусом в треугольном пакете. В тот вечер опьянение началось где-то у лба и постепенно спускалось вниз, при этом внутри у меня возникали какие-то звуки, будто кошка ступает по оцинкованной крыше. Когда я, наполнив третий стакан, вернулся на свое место, то почувствовал себя легко и свободно, точно тело мое стало невесомым.

Рядом с моим стаканом находился автомат, предсказывающий судьбу. Может быть, оттого, что напряжение упало слишком резко, и оттого, что не нужно было, расставив локти, оберегать свой стакан, как это всегда бывает в часы пик, я отдался водовороту опьянения, крутящемуся все быстрее и быстрее. Я неожиданно заметил, что поверхность стола покрыта имитирующим дерево пластиком, увидел, что оспины, покрывающие весь стол, – следы от сигарет, и даже обнаружил, что какая-то часть оспин движется – это тараканы... и поскольку теперь мне все безразлично, я поддался побуждению, не двигаясь с места, заставить время остановиться, ограничив для себя вселенную лишь тем, что находится сейчас в поле моего зрения.

На столе перед каждым посетителем – алюминиевая пепельница, такая большая, что даже мешает. Между столиками расставлены бесформенные оцинкованные урны. Но все равно сигареты гасят о стол, а бумажные стаканы и тарелки, сломанные палочки для еды будто нарочно бросают мимо урн, и ими усыпан весь пол. Бывая здесь в часы, когда полно народу, я совсем не обращал на это внимания, но, может быть, покой, умиротворенность, которые чувствуешь, приходя сюда, берут свое начало в специфическом ощущении, которое передается через подошву ботинка, спокойно топчущего эти горы мусора. Преданность и повиновение – прекрасная сторона обслуживания с помощью автоматов. Посетитель, оставаясь в одиночестве, может спокойно тешить свою королевскую гордость. Вот потому-то он и изливает переполняющее его негодование не в пепельницу, а на значительно большую площадь – на весь стол, не в урну, а на значительно большую площадь – на весь кафельный пол. Мне захотелось завести разговор о чем угодно, пусть хоть о летающих тарелках, с каким-нибудь совершенно незнакомым человеком. Но неписанный закон этого заведения – не обращаться к незнакомым. Мне тоже нравилось такое неписаное правило, и поэтому не оставалось ничего другого, как прибегнуть к

услугам самого близкого ко мне автомата, предсказывающего судьбу. Опускаю десятииеную монету.

«Удача – на юге всплывает счастливое облако. Ты медленно идешь к цели, и врата счастья открыты перед тобой. Рассчитывай только на собственные силы. Будь осторожен в любви. Следи за тем, чтобы не потерять деньги и не попасть под дождь. То, что ищешь, лежит под ногами. Весенние дожди несут радиоактивные осадки – пользуйся зонтом».

Недостаток бумажных стаканов – как ни старайся, все равно намочишь руку. Может быть, поэтому, когда я попытался закурить, спички не хотели зажигаться, я даже разозлился. Я сложил две спички вместе... и вдруг обратил внимание, что головки у них разного цвета. И хотя опьянение все еще шло по спирали, некоторые протрезвевшие участки мозга уже начали соединять отдельные звенья в единую цепь. Я вспомнил, что этот спичечный коробок, который я безотчетно держал в руке, – важнейшее вещественное доказательство, только что полученное от заявительницы, завернул его в платок и спрятал поглубже во внутренний карман.

Но еще раньше, точно высветившись вспышкой магия, эти две спички четко отпечатались в моем сознании.

Белая головка
и
Черная головка

Моя мысль, точно рентгеновские лучи, проникнув сквозь все обстоятельства и события, стремительно двинулась прямо к выводам. О том, что *он* не был завсегдатаем, часто посещавшим кафе «Камелия», можно было легко догадаться по спичечному коробку и тому, как была истерта этикетка. Будь *он* завсегдатаем – в любое время мог бы взять новый. Но поскольку головки спичек были двух цветов, трудно утверждать и то, что *он* был случайным посетителем. Разве тот факт, что *он* запросто заходил в кафе лишь для того, чтобы наполнить опустевший коробок, не доказывает, что если *он* и не был завсегдатаем, то мало чем отличался от завсегдатая. Может быть, *он* имел с этим заведением еще более тесные связи, чем обычный постоянный посетитель. Я отпил уже половину третьего стакана, поднес к предсказанию судьбы горящую спичку (конечно, уже другую), а моя мысль, преследуя разбегающихся тараканов, устремилась прямым курсом дальше. Спичечный коробок из кафе, куда *он* редко заходил... что же интересовало *его* в этом коробке?... рисунок на этикетке?... глупость... может быть, номер телефона?... если так, то можно предположить... в кафе «Камелия» у телефона сидит одна из тех молоденьких девиц, о которых мечтают мужчины средних лет, и на груди только что не висит табличка: «Ищу избавителя и заступника», и *он*, время от времени демонстрируя свою приветливость, на крючок номера телефона подцепил ее заинтересованность...

И почти в тот же миг мои рассуждения делают такой резкий поворот, что колеса машины заносит в воздух. Смех! Если бы девица существовала на самом деле, это бы не ускользнуло от брата, всюду сующего свой нос. Он бы давным-давно все разнюхал и в заявлении с самого начала указал бы, что нужно разыскивать эту девицу. Видимо, ее не существовало (ее и действительно не существовало). Ну а если поверить словам женщины, что спичечный коробок был вынут из кармана *его* плаща... нет, это слишком банальная гипотеза – не нужна она мне... вместе со спичечным коробком, как она мне сказала, была еще и старая газета. Нужно, сверяясь по двум-трем последним сведениям и объяснениям, которые дает женщина, срезать мешающие мне ветви и снова как следует все рассмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.